

МАГАДАН ИНТЕЛЛИГЕНТ

Международная литературно-публицистическая газета. www.provintelligent.ru
Газета выходит ежеквартально. Контакты для участия и сотрудничества: dzina2011@mail.ru, provint.paschkov@yandex.ru

№1 (2)
2016 г.

Продолжение следует!

Дорогие друзья, в свет вышел второй номер газеты «Интеллигент-Магадан», а это значит, что есть возможность перевести наше издание уже к системной продуктивности. Станут или нет эти два сигнальных выпуска газеты «Интеллигент-Магадан» неким систематическим и цивилизованным продуктом, в большей мере зависит от самих магаданских авторов или тех, кому не безразлично культурное развитие и реализация творчества магаданцев, в частности, через данное издание. Следует отметить, что сам факт появления новой газеты «Интеллигент» свидетельствует о том, что в городе Магадане есть серьезные люди, способствующие появлению площадки для реализации творчества магаданцев.

Два номера газеты «Интеллигент-Магадан» получились необычными и по своим материалам, и по уровню самих авторов, но в целом они как для самих магаданцев, так и для других авторов издания стали особым откровением.

Одно можно сказать точно — новые издания стали частью истории медийного проекта «Интеллигент», а также частью культурной истории города Магадана! Некоторые из авторов этого сурового северного края уже публиковались в других изданиях, в том числе и в зарубежных. За свое творчество они получили высокие оценки, их работы отмечены различ-

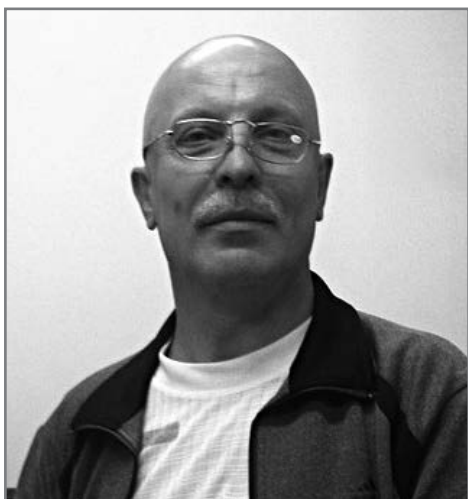
ными наградами. Однако проекту нужна активность новых начинающих или состоявшихся творческих людей из этого отдаленного региона России. Проявят ли они только любопытство, или же их интерес перерастет в сотрудничество, покажет время.

Мы надеемся, что пишущая братия Магадана и Колымы проявит интерес к нашему проекту, реализует себя через новую площадку «Интеллигент-Магадан». Ведь, получив уникальную возможность заявить о себе, она раскроет и реализует свое творчество, что важно для любого человека, который не думает закапывать свой талант или транжирить его вхолостую. Совместное осуществление замыслов даст больше шансов для самооценки, когда можно не завывать и не занижать свой творческий потенциал, но увидеть и оценить своих коллег по творческому процессу, соотнести свои работы и работы других авторов, опубликованных в одном издании. А нормальная самооценка возможна в особом совместном творческом показе или демонстрации группы участников на одной площадке, в данном случае на одной печатной площади газеты «Интеллигент-Магадан».

В добрый путь новому номеру, новым материалам и авторам этого издания!

Учредители:

Сергей ПАШКОВ и Сергей МАЛАШКО

Гости номера

Разные исторические летописи и разное творчество

Сегодня у нас гостем номера Игорь Дадашев, который не только много лет проработал в магаданском государственном музыкальном и драматическом театре завлитом, но также трудился ответственным редактором, корреспондентом, автором и ведущим на магаданском телевидении и радио. Издал несколько авторских сборников стихов, т.е. за плечами у Игоря очень насыщенная творческая деятельность.

— Игорь, я легко и с удовольствием прочитал вашу статью в первом номере газеты «Интеллигент Магадан», это свидетельствует о том, что вы довольно хорошо владеете словом. Меня больше всего удивило, насколько емко и точно вы передали историю возникновения театра в Магадане, в недавней исторической специфике Колымы и даже описали современное его состояние. У меня к вам возникло несколько вопросов следующего характера. Нужно ли человеку, работающему не только в театре, но и на неком предприятии, живущему в неком городе, стране знать историю предприятия, учреждения, где он работает, историю города, края или области, страны и мировой истории? (Пусть не так глубоко, но основные, так сказать, факты) Как вы считаете, почему современные историки с яркими нападениями пытаются за некими прошлыми негативными фактами, скрыть действительно великие достижения прошлого и действительно великих личностей, а рекламировать одни лишь исключения чего то, стоящего в новой уже исторической летописи, когда в реальности всюду упадок, в интеллекте, в моральных аспектах, в духовном творчестве, материальном благосостоянии общества? (В соотношении даже со странами, которые в прошлой эпохе были не только не развивающимися, но и отсталыми по отношению к той исторической летописи) И как вы считаете, так же точно знают историю вашего театра те, кто там в настоящее время работает уже из молодого, так сказать, постсоветского поколения?

— Нужно ли человеку знать собственную историю, историю города, театра, местных предприятий, своего народа, страны, историю мира, разбираться в вопросах геополитики, уметь интерпретировать исторические факты, сопоставлять их? Разумеется, необходимо! Каждому образованному человеку. Потому что в противном случае получится картинка из современной Японии, например, где согласно соцопросам, многие школьники сегодня считают, что атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки сбросил СССР. Впрочем, жителям Страны восходящего солнца такая историческая безграмотность простибельна.

Как и жителям других несамостоятельных стран., находящихся под внешним управлением. Ведь не только свято место не пустует, но верно и обратное утверждение: пустое, опустошенное, выхолощенное, выпотрошенное место (будь то разрушенный храм, развращенная душа) не несет в себе прежней святости. Ее там по определению быть не может. Но природа не терпит пустоты, и вместо прежнего наполнения светом — в поруганные церкви, захваченные чужаками, например, в пустые души и сердца проникает тьма, злоба и ненависть. Пример одной соседней страны, близлежащей страны более чем очевиден, вопиющ и поучителен. Если же мы посмотрим на Балканы, то там свои давние традиции манкуртизации, вернее, оянычаривания. Есть там православные сербы, есть окатоличенные австрийцами хорваты, есть омусульманенные турками боснийцы. Говорят все три «разных народа» почему-то на одном и том же языке. Раньше его политкорректно называли сербскохорватским. Сейчас разделяют эти понятия: вот вам сербский язык, вот вам хорватский, и где-то посредине боснийский диалект. А по сути это три части некогда единого этноса. Стоит ли напоминать о взаимной неприязни южных славян, о неприглядных страницах их совместной истории, которая совсем недавно снова обогатилась кровью...

Теперь что касается нашего региона, областного центра. Колыма и Магадан в сознании обывателей связаны с черными мифами, которые бытовали и до избрания первого и последнего президента СССР, непревзойденного рекламиста пиццы, но особенно расцвели они в перестроечное и постсоветское время. Вкратце вся этимология сводится к миллионам и миллиардам невинных жертв, к медведям, бродящим по городу, к золотым слиткам, которые мы тут пинаем ногами. Медведи, что и говорить, в голодные годы по весне, действительно, вылезают из тайги и подходят к мусорным бакам на окраине, а то и в дачных поселках в пригороде шуруют. Что скрывать, бывает такое. Но есть в Магадане доблестные полицейские и спасатели, которые этих косолапых бродяг возвращают в ареал их естественного обитания. Золото тоже имеется на Колыме, но его надо долго и упорно мыть на приисках. Это очень тяжелый труд. А вот что касается миллионов и миллиардов эзков на Колыме, тут мы не можем похвастаться точным соответствием нашей реальной истории многоотомным трудам Александра Исаевича и Ко. Если совсем коротко, то, согласно его «Архипелагу», в СССР за время, прошедшее от гражданской войны до смерти Сталина — а это чуть более четверти века — было репрессировано от сорока до шестидесяти миллионов человек. Некоторые авторы той же ориентации, что и бывший командир никогда не стрелявшей батареей звуковой разведки, увеличивают число заключенных в СССР до ста миллионов и даже более. Человеку же непредвзятому, умеющему выполнять простейшие математические манипуляции без калькулятора, знакомому с количественными показателями населения СССР, нетрудно сделать собственные выводы, отличающиеся от выкладки эмпириков антисоветской мысли. Кроме эмпирических размышлений на основе статистических данных, существуют еще и официальные, давно раскрытые архивные данные, согласно которым за время, минувшее от смерти Владимира Ильича до кончины Иосифа Виссарионовича, в СССР подверглись репрессиям четыре с небольшим миллиона человек. Из них семьсот с чем-то тысяч были приговорены к высшей мере наказания. Четыре миллиона, а не сорок. И уж тем более, не шестьдесят или сто. Сколько заключенных прошло через Магадан и Колыму за четверть века от основания нашего города и поселков области в 1929 г. и до 1953 г.? Историки, архивисты, краеведы дают приблизительную цифру: не более одного миллиона. Были ли среди них невинно осужденные? Конечно, были. А кто еще оказался среди неволь-

ников «Дальстроя»? Давайте взглянем в их угрюмые ряды внимательно. Как в старой блатной песне поется: «Взгляни, взгляни же в глаза мои суровые, взгляни, быть мо-о-о-жет, в последний раз!». Итак, перед нами выстроились: уголовники, обыкновенные воры, простые убийцы, бандиты, налетчики, растратчики государственного имущества, проворовавшиеся чиновники, политические заключенные, то есть, противники генеральной линии партии, троцкисты, участники белого движения, бывшие эмигранты, лица, осужденные за контрреволюционную и шпионскую деятельность, разве в период между двумя мировыми войнами никто в мире не занимался шпионажем? Ну, а после войны к уже упомянутым категориям прибавились власовцы, полицаи, старосты, предатели всех мастей, бандеровцы, «лесные братья» из трех прибалтийских республик, различные пособники нацистов, палачи, а также военнопленные. В основном, японцы, но и немцы, другие европейцы, воевавшие на стороне Третьего рейха. Были, конечно же, попадались среди них и невинно пострадавшие, например, священники Русской православной церкви, монахи, люди светские, никак и ничем не провинившиеся перед советской властью. Разве кто-то отрицает наличие судебных ошибок, случаев оговора, самооговора, доноса, в результате чего невинные люди оказывались за решеткой. Были ли невинными жертвами сталинского режима все остальные? От простых обыкновенных уголовников до различных предателей, военных преступников? Вопрос риторический. Обо всем этом надо помнить и знать. Не пытаться самому обелять преступников, получивших заслуженное наказание по своим грехам, и не потворствовать ревизии отечественной истории. Потому что у таких ревизионистов всегда получается по Виктору Черномырдину и Александру Зиновьеву. Хотят, как лучше, а получается как всегда — то есть, целят в коммунизм, попадают в Россию. Надо уметь не только мух от котлет, здоровые семена от плевел отделять, но и собственным разумом руководствоваться. А оценивая историю нашей страны за последний век, рассматривать все события в общем контексте, не вырывая ничего, не конструируя свою альтернативную реальность, в которой все кромешно-адово, никаких прорывных достижений не было, а если и случались какие-то победы, то только вопреки, а не благодаря.

И в Великой Отечественной мы-де победили не с криками «Ура!» да «За Родину, за Сталина!», а вопреки твердой воле советского политического и военного руководства, вопреки вообще здравому смыслу. И потому что у наших солдат была одна винтовка на троих, как говорят говорят отдельные альтернативно одаренные мыслители, хотя эта ситуация была типична для Первой мировой войны, когда в русской императорской армии действительно не хватало оружия и боеприпасов, которые не успели или не смогли нам поставить союзники по Антанте. И потому что победили мы немца-фашиста не умением, а числом, говорят они же, «свободомишляющие исследователи прошлого», то есть, по их версии, забросали немцев собственными трупами, утопили их в своей, то есть, в красноармейской крови. А то, что процентов восемьдесят, если не больше, потерь в живой силе германского вермахта приходится именно на нашу страну, и в целом советские и немецкие потери на поле боя примерно соответствуют, гораздо больше от рук фашистских оккупантов погибло наших мирных граждан, было замучено, расстреляно, угнано в концлагеря и места массовых казней. Не меньше людей погибло и от ран во время войны и сразу после ее окончания. Вот из всех этих невозвратных потерь и сложилась страшная цифра в двадцать миллионов наших жертв, которую уже в 1990-е годы уточнили до двадцати семи миллионов. Кто знает об этом за пределами нашей страны и бывших советских республик? Те молодые люди в Японии, которые винят в атомной бомбардиров-

ке своих городов советских летчиков? Или же те, кто сегодня маршируют по европейским городам, вскидывая руку в нацистском приветствии, кто чувствует своих недобитых и доживших почти до столетнего возраста упырей-эсэсовцев? И при этом осуждает на тюремное заключение ветеранов Красной армии...

Надо просто помнить и знать свою настоящую историю с ее героями. С Зоей Космодемьянской и Александром Матросовым, с героями-панфиловцами, со Сталинградом и Курской дугой, с взятием Будапешта, Вены, Берлина, с освобождением Белграда, Варшавы, в целом Европы от фашизма. Нельзя мириться с искажениями истории, с фальшивками, такими как фильм «Сволочи», с попытками реабилитировать Андрея Власова и других предателей, со всевозможными псевдоисторическими исследованиями, приносящими основную и главенствующую роль СССР и Красной армии в разгроме фашизма и японского милитаризма. Да, мы воевали плечом к плечу с нашими союзниками, получали от них столь необходимую нам помощь в виде оружия, танков, самолетов, знаменитой тушенки и так далее. Мы помним об этом, в отличие от тех, кто проигнорировал приглашение приехать в Москву 9 мая 2015 г. И тут все предельно ясно и четко. Надо просто знать свою историю. И понимать, кто нам друг, а кто нет.

Что касается молодого поколения магаданцев, то среди них есть разные ребята. И те, кто выходит 9 мая и 22 июня с портретами своих уже прадедов, воевавших с фашизмом, и те, кто не знает имен собственных предков, павших на полях Великой Отечественной. Когда я читал в прошлом году лекции в нашей университете на журфаке, то двадцатилетние старшекурсники не могли мне ничего рассказать о своих прадедах, зато семнадцатилетние первокурсники, как оказалось, больше знакомы с историей своих семей и в своих сочинениях проявили большую осведомленность о Великой Отечественной войне. Странно, но разница в два-три года между представителями одного и того же поколения весьма показательна. В 1995 г. в Магадане, как и в целом по стране, случилась демографическая яма. И в старшей группе по этой причине учился всего трое человек. А на первом курсе их уже десяток. В этом учебном году столько же поступило. И опять это ребята с патристическими взглядами и четкой гражданской позицией, к тому же знающие своих прадедов-фронтовиков по именам. На мой взгляд, это показательно. Как и пустая аудитория, где на незанятых стульях могли бы сидеть так и не родившиеся двадцать лет назад дети...

В театре тоже есть свои ветераны сцены, люди, сформировавшиеся в советское время, есть и молодые актеры. Жаль, что своего музея нет в МГМДТ. А ведь раньше он был. Просто после ремонта как-то оказался не нужен... Но мне кажется, что сегодняшняя молодая смена не пустая внутри, у них есть в душе что-то светлое, доброе и вечное, то, что им смогли дать их наставники.

— Когда Ленин посетил московскую киностудию еще царского образца — а тогда снимали немое кино, но репертуар был в основном про любовников, преступников, которые представлялись основными героями — то Ленин категорически заявил, что больше этого не будет! Будет советское классическое кино, но, естественно, и политически агитационное.

Можно привести и иное его изречение, что главным из искусств является кино, хотя он вкладывал в это не только пропаганду новых тогда идей, но и прогрессивное развитие самой этой уже части искусства. Как лично вы считаете, может ли репертуар в кинотеатрах, в театрах, не говоря даже об интернете и других СМИ, оказывать особое влияние на сознание людей, на некое неосознанное подражание различным типажам, как это показано в советском фильме «Человек с бульвара капуцинов»?

— Конечно, в условиях тогдашней России, большинство населения которой было сельским, малограмотным, кино, действительно, стало важнейшим из искусств и являлось рупором государственной пропаганды. Трудно переоценить воздействие кинематографа на сознание, а также подсознание людей. Достаточно вспомнить, как советские люди смотрели «Броненосца Потемкина», «Человека с ружьем», «Чапаева», «Ленина в Октябре», «Депутата Балтики». Ведь это не просто сильные в пропагандистском плане картины, но и шедевры нашего кино, да и мирового тоже. А ведь помимо этих фильмов народ любил и чисто развлекательные ленты, такие как «Процесс о трех миллионах», «Праздник святого Йоргена», «Папиросница от Моссельпрома», «Закройщик из Торжка», «Веселые ребята», «Волга-Волга», «Цирк». Но и в них прослеживалась четкая идеологическая линия. Так что у нас было великое советское кино, которым восхищались по всему миру. Достаточно вспомнить, как на Кубе после их революции смотрели нашего «Чапаева» и «Коммуниста». И когда в финале первого фильма Чапай тонет в Урале, а главный герой второго фильма погибает от рук бандитов, экспрессивные кубинцы вскакивали с мест и кричали одному: «Выплывай! Не сдавайся!» и плакали после героической гибели обоих так, как будто герои нашей гражданской войны были их кровными братьями.

Другое дело, что по своей силе внушения тех или иных идей, и кино, и ТВ, и театр, и интернет, вместе с прочими СМИ, действительно, могут быть как благом, так и выполнять разрушительную функцию. Иными словами, или возвышать зрителей до высот самопожертвования, воспитывать граждан и патриотов, или низводить зрителей до уровня жвачного двуногого животного, тупо поглощающего воздушную кукурузу, да попивающего прохладительные напитки, уставившегося на экран, где только секс, насилие и прочий «рок-н-ролл»...

К сожалению, сегодняшний российский кинематограф, как и ТВ, не достигают высот прежнего, шедеврального советского киноискусства. За исключением нескольких картин, таких как: «Территория», «Гагарин, первый в космосе», «Легенда №17», ленты Алексея Балабанова «Брат», «Брат 2», «Война», картин Александра Рогожкина, фильмов «Живой», «Кавказский пленник», «72 метра» и нескольких других. И все же, когда пересматриваешь советские фильмы, особенно военные ленты, понимаешь, насколько высока была взятая тогда планка, и как трудно до нее сегодня дотянуться.

— Игорь, как я понял, вы за воспитание своих кадров, в том числе и в городе Магадане. Мы в одной дискуссии как-то говорили, что это не плохо, но чтобы эти талантливые люди и даже коллективы не стали вариться только в местечковом анклаве, им следует серьезно заниматься гастролями и не только по России, но и за рубежом, либо выходить на более солидный уровень, чтобы любому серьезному актеру, режиссеру посчитать за честь работать у вас, либо просто переходить на работу в более известные коллективы. С чем вы согласны в нашей дискуссии по этим трем фактам профессионального роста и более широкой уже известности, а с чем нет?

— Дело в том, что Магадан очень далеко лежит от центральных районов страны. Нас связывает только авиасообщение. Впрочем, можно и по земле доехать, но это для экстремалов. Две тысячи верст по грунтовой дороге до Якутска, а оттуда можно и по железке доехать до центра, а можно и дальше по автотрассе. Но эта дорога до Якутии уж очень суровая...

Так что, как поется в старой песне, только самолетом можно долететь. А цены от нас до Москвы почему-то, по какой-то необъяснимой причине, довольно кусачие. Хотя долететь до столицы от соседних Хабаровска и Владивостока чуть ли не в два раза дешевле, а лететь столько же по времени, семь-восемь часов. Вот и приходится вариться в собственном соку. Но... при этом магаданские труженики искусства и культуры отнюдь не замшелые провинциалы. Примеры? Запросто! В январе хор средних и

старших классов нашей Детской хоровой школы, вокальный ансамбль «Гармония» и два солиста, все ученики Светланы Серенковой, полетели на Всероссийский конкурс «Звезды из будущего». Что такое отправить двадцать шесть человек в Москву, даже не в сезон летних отпусков, когда цены на авиабилеты взмывают в заоблачные выси, а зимой? В общей сложности, вышло около миллиона. Кто оплатил? Да сами родители. Ну и один спонсор нашелся, дал двести тысяч рублей. Остальные траты на гостиницу, питание, обязательный для всех конкурсантов сбор, легли на плечи родителей. Прилетели наши юные хористы с руководителем, концертмейстером и двумя родителями в столицу, их встретили не очень приветливо, мол, Магадан, что с них взять? Сразу начались проблемы, еще с заселения в гостиницу. В общем, неласково обошлись. А на конкурсе магаданцы обошли всех остальных конкурсантов со всех регионов нашей большой страны. Взяли Гран-при, первое, второе и третье места. В общей сложности, четыре крылатые золотые статуэтки, включая главную, и шесть дипломов. И отношение у организаторов моментально поменялось со снисходительного на самое разлюбезное и даже подобострастное. Кроме этого коллектива, другие магаданские артисты, и юные, и взрослые профессионалы не раз и не два поддерживали марку и защищали честь своего города и края на самых престижных международных и всероссийских конкурсах. Одно то, что мы сидим так далеко от центра, побуждает колымчан ставить перед собой завышенные планки и стремиться к недостижимым высотам. И в сравнении с другими небольшими городами российской глубинки, Магадан всегда стоял и стоит особняком. Нет, наш город отнюдь не провинциальный. Здесь всегда жила очень образованная публика. В 1930-50-гг. многие из наших интеллектуалов попадали сюда не по своей воле, впрочем, много и тогда было вольнонаемных романтиков. Но и после закрытия Треста «Дальстрой» и образования Магаданской области в 1953 г. на Колыму летели самые отчаянные «за туманом и за запахом тайги». Что касается театра, то в советские времена, с конца 1950-х до начала 1990-х, чтобы попасть в наш музыкально-драматический на материке выстраивалась очередь из актеров. И не каждого еще брали. Только самых лучших. То же касалось и режиссеров. В прежние годы наш театр гремел повсюду. Но с развалом СССР пришел в упадок и наш храм Мельпомены. Но все же он выжил. И до сих пор живет и, хотя не могу сказать, что снова процветает, но стабильно работает. В настоящее время у нас ставит новый главный режиссер драмы петербуржец Дмитрий Павлов. Буквально на днях прошла его новая премьера спектакля «ART», до этого он поставил «Диогена», «Старшего сына», причем, режиссер достаточно молод и не смотрел классическую телевизионную экранизацию этой пьесы. Не стал ее принципиально смотреть и перед постановкой, но и его версия оказалась вполне достойной оригинала. Хотя решил он ее по-своему, иначе, в современной трактовке, не так, как ставили на нашей сцене двадцать, тридцать, сорок лет назад и ранее. Дмитрий Павлов удивительно тонкий, вдумчивый, очень талантливый постановщик. И с ним нашему театру очень повезло. Давно у нас не работал режиссер подобного уровня. Что касается актеров, то кто-то приезжает, идет молодая смена, кто-то уезжает, пробует свои силы в других городах, но потом некоторые из уехавших возвращаются. Север держит тебя крепко. Если ты сроднился с его вечной мерзлотой, то трудно от нее оторваться. Могут судить по судьбам знакомых и друзей, да и по самому себе. Сам несколько раз отрывался, уезжал, пробовал себя в других городах и странах. Но всегда возвращался. Магадан это судьба. И если он тебя принял, то это чувство взаимное, а связь горожан и города неразрывная.

— В современных театральных постановках, и тем более в неких шоу, стали демонстрировать порой очень откровенные интимные сцены, вносить жаргонизм и сквернословие, подчеркивая этим некую свободу, и этим

привлекать к себе внимание, пусть даже скандального характера. Порой и сами актеры вне работы провоцируют скандальные истории, а за них горой стоят даже солидные государственные лица и работники культуры. К вам такой вопрос: «А как вы считаете, порочат ли такие факты сами такие театры и дискредитируют ли всех остальных и саму профессию?»

— Почему классическое искусство прошлых веков, пьесы испанских, французских, наших отечественных драматургов с восемнадцатого по двадцатый века обходились без скабрзностей, пошлостей, разбора по косточкам и смакования порока, грехов, без вытаскивания напоказ темных сторон человеческой жизни? Не подумайте, что я ханжа и лицемер. Служил в армии, работал на стройках, вращался в самых разных социальных кругах, и что такое матерная речь, жаргонизмы хорошо знаю, если надо было, использовал и их. Но вот смотрите, даже, когда в начале XX века авторы стали обращаться к теме социального неравенства, рассматривали жизнь бедняков, нищих, опустившихся на самое дно жизни, как Максим Горький в своих произведениях, разве это было пошло, порочно, грязно? Мы живем и действуем в условиях постмодерна, во время всеобщей глобализации, стирания национальных культурных границ, размывания и уничтожения традиционных ценностей, прежде аккумулированных в семье и религии. В парадигме модерна начала XX века и на протяжении всего прошлого столетия традиционная мораль, вера в незыблемость духовных скреп, в Бога, сами устои патриархального бытия, сельской жизни, начали активно расшатываться, разрушаться. Вместе с индустриализацией, урбанизацией, с возникновением и развитием новых идеологических систем в общем русле научно-технического прогресса мы многое утратили, хотя и приобрели определенный комфорт для тела. Но духовного развития не случилось. Даже в рамках справедливого мироустройства, которое предложили коммунисты. Идея построения земного рая без Бога неизбежно должна была вырождаться, и она выродилась, была сведена к бесплодной попытке догнать западное общество всеобщего потребления. В конце 1980-х мы променяли свое первородство на чечевичную похлебку и блестящие фантики жевательной резинки «Turbo» и «Tom and Jerry», как некогда туземцы отдавали золото за стеклянные бубрякушки. Почему наши театр, кино, ТВ, книги, журналистика, эстрада стали прибежищем дурного вкуса, всевозможной чернухи, блудных страстей, извращений и пороков? Дезориентация, утрата духовных ценностей всегда сопровождают распад империй. В нашем случае это была еще и расплата за предательство своей веры, за грех царевубийства, который наш народ во многом смысл в Великую Отечественную войну. Но опять же, послевоенное возрождение былой мощи, невиданный взлет науки, техники, культуры, искусства, выход в космос, бескорыстная помощь другим народам, вставшим на путь самостоятельного развития, некогда влачившим жалкое существование под пятой европейских метрополий, все эти победы и достижения не помогли предотвратить распада СССР. И вот пройдя страшные девяностые годы, выпив чашу горькую до дна, Россия снова получила шанс на возрождение. За последние пятнадцать лет было сделано немало. И самое главное — наша страна не распалась на мелкие фрагменты, где все воюют против всех, как в тогдашней Чечне и прочих горячих точках, а народ наш не продолжил вымирать по миллиону в год, как это было в девяностые. И когда в 1930 г. в СССР снимали великие кинокартины, писали замечательные вдохновляющие книги, песни, слушая которые хотелось не просто жить и работать, а всего себя отдавать делу служения Родине, ведь мы и до сих пор поем те песни и смотрим те ленты, все мастера культуры и искусства воспевали красоту труда и невиданного взлета духа нашего народа. В годы войны и после нее были созданы другие шедевры, и все эти фильмы, книги, стихи, песни, воспевали воинскую доблесть, коллективный подвиг народа, его самоотверженность. Что

это как не христианские, православные ценности в душе людей, сидящие на таком глубинном уровне, что их не удалось выкорчевать никакой атеистической пропагандой. Да, в 1917 г. российская элита, высший генералитет предали царя, либеральные политики разрушили империю, а потом и вовсе потеряли власть, которая ваялась под ногами, и подняли ее большевики, которые тоже немало наломали дров, пока сталинская команда патриотов-государственников не взяла верх над ленинско-троцкистской группой пламенных бесов мировой революции. И вот оказалось, что когда в СССР к 1960 годам был построен аналог американского потребительского рая для бедных, со своими холодильниками, квартирами, пусть и тесноватыми хрущевками, но отдельными, не коммунальными квартирами, со своими автомобилями, пусть и не такими большими и шикарными, как сходявшие с конвейеров в Детройте лимузины, а с Москвичами и Запорожцами, со своими дачами, стенками, хрусталем, советскому человеку стало мало этого материального богатства. Широкий русский человек, не только классик, но и я бы кое в чем его, как и себя самого, сузил...

Так, выжив в окопах под Москвой, в Сталинграде, на Курской дуге, в Берлине и Манчжурии, наш человек не выдержал испытания сытостью желудка при духовной жажде и голоде. А свято место пусто не бывает, как и наоборот. Вот и вместо истинной веры стали кидаться мы из одной крайности в другую, кланяясь то одним, то другим идолам и божкам. У кого-то это были мертвящие догмы застывшего в рутине марксизма, у других иконами стиля стали манящие соблазны с витрины западной цивилизации, начиная с послевоенного джаза для стилига, потом рок-н-ролла, книг модных западных авторов, голливудских фильмов, джинсов, жвачки и так далее... Чечевичная похлебка в обмен уже не на первородство, но на спасение души. Отсюда и девятый вал грязи, пошлости, сквернословия, насилия в кино, литературе, уголовной псевдоромантики псевдошансона. Что заказывали в 1990 г., то и получали по самое не хочу...

Порочат ли подобные дурнопахнущие «творения» своих творцов? Безусловно. Как с этим бороться и что противопоставлять? По-моему, следует оставить их без должного внимания. Сами тихо угаснут. Чем были советские картины довоенной и послевоенной поры? Гениальными, замечательными зеркалами, отображавшими героическую эпоху построения нового общества и подвигов на фронте. Надо просто помнить, что первично. Искусство всегда вторично. Это отражение бытия и сознания людей, их устремлений, чувств, надежды и мечтаний в зеркале эпохи. Первичен всегда созидательный труд на благо всех, а не атомизированного индивидуалиста с его умозрительными «человеческими правами», с навязанными агрессивной рекламой «нуждами потребителя». И для того, чтобы снимать хорошее кино, творцам не обязательно соотносить свои задумки с представлениями всемогущих продюсеров, которые лучше народа знают, что такое «формат», что «неформат», «что пипл схавает», а что нет. Надо возрождать государственный заказ на производство фильмов. А без четкой и внятной государственной идеи, без понимания, откуда мы пришли и куда идем, даже госзаказ не даст по рукам пресловутой «невидимой руке рынка».

— Когда в советском еще свете нам представляли Пушкина, Есенина, даже когда мы увлеклись творчеством Высоцкого, то хотя они и представлялись некими бунтарями, но они тогда делились нам великими личностями в своем творчестве, без влезания к ним в личную жизнь. Когда же в постсоветском свете нам представляют личную порочную жизнь этих же людей и некие лишь их творческие изыски, то меня это коробит. Я понимаю, что когда эти люди были прославлены до международного уровня, то трудновато этим их затмить или унижить для нашего поколения, но я столкнулся с тем, что современное поколение как раз судит и оценивает их так, в каком уже постсоветском свете их представляют! Многие и не читали серьезно их работы, но четко говорят, мол, они были

пьяницы, гуляки, картежники и так далее. Как вы считаете, падает ли от этого уважение к русскому истинному таланту и творчеству у современного поколения, а подменяется он опять национальным фанатизмом и фанатизмом некоего нашего только, особого культа верования?

— Есенина некоторые «есенинове-ды» выставляют горьким пьяницей. Хотя он сам говорил, что когда бывал подшофе, то никогда не писал: не высекалась божественная искра вдохновения. И тем не менее, умерший, нет, убитый довольно молодым, этот гениальный русский поэт оставил после себя огромное наследие. Когда бы он написал все эти стихотворения и поэмы, если бы беспробудно пил? Это все расхожее мнение, да и сам Сергей Есенин потворствовал своей дурной славе, этому черному пиару, как сейчас бы сказали. Потому что публика падка на жареное. Ей подавай для смакования слабости великих. Но врете, подлецы! Да, гений может быть слаб, может ошибаться, грешить. Но не так, как те, что гогочут и тычут в него пальцем, мол, он такой же, как и мы. Нет! Не такой. Пусть и слабый, грешный, но не такой, как чванливая и пошлая толпа мечан.

Пушкина тоже, кем только не выставляли. И распутником, и картежником, гулякой... А ведь он тоже был убит в довольно молодом возрасте, в самом расцвете душевных и физических сил. Когда бы солнце нашей поэзии, наш светлый гений написал все многотомное собрание сочинений, если бы только пил, гулял, да великосветских дам соблазнял? Врете, подлецы! Что касается Владимира Высоцкого, то и он при всех своих слабостях и пороках, был и остается велик. А все страдания его мятущейся души настолько русские, настолько родные, что он был и остается любим народом. В общем, надо каждому заниматься своим делом. И делать его хорошо, достойно. А что касается артистов, то тут не только восхищаться их талантами стоило бы, но и помнить, что в прежние времена их, как и самоубийц хоронили за церковной оградой. Слишком большую, иногда страшную, цену платят за свой талант божьи скоморохи, плясуны, актеры, поэты и художники. Им порой открываются небеса обетованные, порой самые глубокие бездны... Молиться за них следовало бы, за спасение их душ, а не на них молиться и возводить на пьедестал еще в земной жизни. От этого почитания они, почитай, все почти и становятся беспутными скитальцами, пьют, грешат, пускаются во все тяжкие, чтобы душу свою сохранить, спасти, пронести сквозь горнило медных труб...

И самое интересное, что в нашем искусстве постоянно рождается нечто новое, каждая эпоха призывает в строй новых героев, требует новизны во всем, от формы до содержания. Тем и живет наша литература, сцена, экран, эстрада. Без этого обновления никак и никуда. Богата Россия всемирными идеями, да и народ наш на выдумку хитер.

— Вы говорите, что нужно нечто новое в сюжете, в исполнении, но я надеюсь, что вы имели в виду, говоря о некоем современном серьезном произведении с прекрасным исполнением, что там действительно важна интересная, неизбитая сюжетная линия, и где славянская доброта и милосердие побеждает нечто порочное. Мне как-то прислали из Франции новеллу «Эмигрантка поневоле», прислали на болгарском языке и попросили перевести на русский. Я не знал болгарского языка, просто общался с этой писательницей почти пол года по интернету, где она писала мне практически на болгарском, а я потом это со словарем и с подстрочником переводил и отвечал ей. Конечно, есть немало схожих слов в славянских языках, но за полгода общения я стал уже понимать, о чем она мне пишет. И вот приходит от неё очень неожиданное предложение, чтобы я перевел на русский новеллу «Эмигрантка поневоле», а сопровождалось это тем, чтобы я не сильно переживал и спокойно попробовал перевести, т.к. она передала эту же новеллу перевести на русский еще трем лицам в Болгарии, которые знают русский язык. Эту небольшую новеллу я переводил более трех месяцев, но моя титаническая работа была не из-за каких-либо

гонимых, тщеславия, а потому что меня настолько увлек сюжет, который мне открывался пространством образом, но был как в шахматном порядке. Это когда вроде идет описание некоего действия, в некоем конкретном времени, но потом как некое воспоминание или пояснение разворачивается сюжет из прошлого, и вроде начинаешь все это собирать в целостную картину логической сюжетной линии, а все же не понимаешь, как совершенно разные судьбы и люди переплетены и чем это закончится. К чему я это написал? К тому, что люди пошли бы в театры и на серьезные вещи, но в современном обществе исчезло воспитание зрителя, как, впрочем, и читателя! Нужно ли это сейчас или это уже не актуально? Как и нужно ли приучать и к особой духовной пище, которую бы с удовольствием вкушали зрители и читатели?

— Публика не дура, Сергей — как бы в этом ни были уверены вездесущие продюсеры, редакторы, коммерческие директора, «заказчики контента», определители «формата», держатели акций, начальники и чиновники, словом, владельцы и хранители истины в последней инстанции. На самом деле простые люди разбираются в искусстве лучше многих дипломированных искусствоведов и критиков-эстетов. И черный квадрат, как и белый круг, прибитые к брусчатке яйца большого на голову психопата, испражнения, богохульства, срамота и кощунства очень ограниченной кучки «креативных личностей» получают должную оценку у людей. Конечно, этому малому творческому народу обидно сейчас. Ведь они же не просто стараются, выдумывая темы для своих инсталляций, перформансов, флэшмобов, но и всерьез верят в свою избранность, в собственное право снисходить до профанов из башен, воплощенных в слоновой кости, по лестнице, ведущей в небо...

Но гордыня это всегда первая ступень вверх по лестнице, ведущей вниз. Ничего кроме смеси жалости, омерзения и брезгливого желания вымыть руки, сполоснуть глаза и желания помолиться за падшие души такое «творчество», где тварь возманила себя творцом, не возникает. Так что надо просто делать свое дело. И делать его честно — еще раз повторю уже сказанное.

— Игорь — ответьте на последний мой вопрос — а серьезно ли влияют телевидение и компьютеры на интерес к театру, или все же людям свойственно оставаться в очном контакте с актерами, играющими разных героев в разных постановках, совместно сопереживать с другими зрителями?

— Компьютеры, телевидение, интернет, конечно, влияют на людей, как и уютный диван, с которого можно дотянуться до пульта управления. А вот заставить себя встать с дивана, выключить телевизор или ноутбук, выйти на улицу, прогуляться, сходить на живой концерт или спектакль — это, да, требует некоторого усилия. И тем не менее в нашем театре всегда есть зритель. Ходят магаданцы и на заезжих гастролеров. Есть что-то особенное в живом исполнении. Которое не остановишь на интересном месте, как видеокассету или DVD, чтобы сходить на кухню или в туалет. Или сделать то же самое в момент показа рекламы по ТВ. И эта магия творения на наших глазах высокого искусства, побуждающего нас сопереживать, сочувствовать, любить или ненавидеть, и есть то, что привлекает нас в театр или концертный зал. А кино и ТВ это тоже виды искусства. Когда-то я, уйдя из театра на телевидение и в кинодокументалистику, говорил сам себе, что на театральной сцене мне не хватает крупных и средних планов, и потому, дескать, живой спектакль стал для меня скучен. Это было давно, я был молод и глуп. Сегодня, приходя в театр, я по-прежнему ощущаю радость общего со-творчества вместе с актерами, находящимися по ту сторону рамы и невидимой стены, отделяющей их от партера. И уже не важно, камерный ли это зал, где актеры могут наступить тебе на ногу и ты видишь их глаза, оценки, можешь, если захочешь, дотронуться до них, или же это большая сцена, на которой ходят, живут крохотные фигурки. Все равно тепло их сердец, их светлые чувства согревают небо и нас, зрителей в зале.

ИГОРЬ ДАДАШЕВ

СТИХИ

ЯЗЫК РУСИ МОЕЙ ЕДИНОЙ

К 1025-летию Крещения Руси

Напрасно смотрит Украина
В закатный час да на Закат.
Не горькая ли ждет судьбина?
Не враны ль, каркая, кружат
Над Малой Росью, милой Русью,
Что отказалась от себя?
И я на Киевщину с грустью
Гляжу, тоскуя и любя.
Не ты ли мать всем градам русским?
Не во Почайне ль во реке
Избрал наш предок к Богу узкий
Путь, сжавши крестик в кулаке?
И стала Русь с тех пор единой.
Один народ, язык и Бог.
И стала Русь непобедимой,
И смерть народ наш превозмог.
Ее отравленное жало
Не страшно тем, кто во Христе.
И сколько бед ни перепало,
Русь возрождалась в красоте.
Той удивительно волшебной,
Прекрасней нет той красоты
И силы необыкновенной,
И простоты, и чистоты.

А что же нынче? Украина.
Ни Русь, ни мать, и ни исток
Всей правой веры славянина,
Как русским Киев быть не смог?
Ужель словам Христа нет веры?
Ужели царство, разделясь,
Да устоит? Нет, то химеры.
Здесь имя Русь втоптали в грязь.
Увы, порушено былое
Единство трех частей Руси.
И чье же то деянье злое?
Всяк сам себя о том спроси!
Как мы в безумье рвали узы,
И веселясь, и хохоча...
И нет уж прежнего Союза,
Но среди тьмы горит свеча.
Так пред иконою лампада
В ночи надежду дарит нам,
Как ни сильны все силы ада,
Едину Русь не взять врагам.
Насущный хлеб благословляю,
Мне даден Богом днесь в трудах.
О крестной мукe вспоминаю
И возжигаю огонь в сердцах.
Да будет жив народ единый,
Прославлен русской молвю Бог,
Язык, да будет невредимый,
Един в различьях. Русский слог!

НА УЛИЦАХ АНКОРИДЖА

(зарисовка с натуры)

В ноздри пищой бьет, хот-догом,
Да цветет везде сирень,
Тут кофеен всюду много,
Коль готовить дома лень.
Мексиканцы и корейцы,
Да индусы правят бал,
В моде также европейцы,
Выбор кухонь здесь не мал.
Пахнут улицы Аляски
И кострищем, и едой,
Звуки, запахи и краски
Погружают с головой
В омут здешнего фастфуда,
Что манит, манит, манит.
Горы вкусовстей на блюдах,
Барбекю всегда дымит.
Не худые окружают,
Я гляжу по сторонам,
Все еду здесь уважают,
Рестораны тут и там.
Я смотрю в видеоискатель
И снимаю все подряд,
Солнце выглянуло кстати,
Нужен мне счастливый взгляд.
Но, увы, сосредоточен

На проблемах здешний люд,
Почему всяк озабочен?
Почему все так спуют?
И куда несется мимо
Великан-автомобиль?
Ноздри мне щекочет дымом
Птица Феникс — чикен-гриль.
Ходят лоси по дорогам,
Да медведь шуришт в кустах,
Крики чаек, здесь их много,
Самолетик в небесах
Прострекочет над тобою
И умчится в облака,
Пахнет здесь июль весною,
Рвет сирень моя рука.
Тополиный пух разносит
Ветер, северный Борей,
На бутылку нищий просит
Жаждет жар залить скорей.
В мятых джинсах и футболке
Попрошайка-эскимос,
Я бы дал, да мало толку,
Все пропил. Нищ, грязен, бос.
Он стоит на тротуаре
И картонку жмет к груди,
В наркотическом угаре.
Денег нет? Так проходи!
И щекочет обонянье
Нам куриных крыльев дым,
Замер юпик изваяньем,
Хмурым, грязным и седым...

ВАРЕНЬЕ ИЗ ИНЖИРА

О, дивный вкус инжира
Из бабушкиных рук —
Десерт, достойный пира,
А в роли шаха — внук.
Варенье из инжира
Варила в детстве мать.
Объездил я полмира,
Нигде не мог сыскать
Вкуснее, чем у мамы,
И слаще, чем халва,
Восточной пряной гаммы
Забить смогу едва.
Из персика варенье,
Варенье из айвы,
Поднимут настроение.
Я вспомнил вкус халвы.
Той, что варила мама
По праздникам всегда...
Звонок в дверь. Телеграмма.
Идут, летят года.
Нет бабушки на свете,
И мама далеко.
Тут воет стылый ветер,
А рядом никого.
Поэзия мужская
Как лезвие меча.
И кровью истекая,
Рвет струны, хохоча!

В ПЯТЬ УТРА В МАГАДАНЕ

Не страшна смерть русским людям,
Наш Господь ждет нас в раю.
По земным деяньям судя,
Примет Бог в свою семью
Тех, кто избран среди многих,
Сораспяшася Христу.
Встану, грешный, на пороге,
Пригвожденный ко кресту
Справедливо, по заслугам,
Как разбойный, блудный сын.
На Голгофе русской выюга
В клочья рвет забвенья сны.
В нашей снежной Палестине
Я воззвал к тебе, мой Бог:
— Не оставь мя в благостыне,
Без любви я изнемог!
Помяни меня, мой Боже,
Грязь души моей омой.
Стыд раскаяния гложет —
Пред Тобой стою нагой.
В День святых всех, просиявших
На российской стороне,
Сердцем Господа принявших,
Вспомни, Боже, обо мне!

РАССКАЗЫ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ И ОДНОЙ ДЕВОЧКИ

Сенька

Ну, какая это скука, сидеть на уроках и слушать всякую ерунду, которую рассказывают учителя. Тоже мне, открытие: яблоко на голову упало. Не могло же оно, в самом деле, улететь – не птица. Да и что тут думать: если сидишь под яблоней, не может же груша упасть. И вообще, пусть радуются, что арбузы на деревьях не растут, а то было бы не открытие, а закрытие закона. Такие мысли посещали Сеньку на уроке природоведения. Летние каникулы недавно закончились, погода за окном стояла чудная, а тут школа. До чего же здорово было летом в деревне с друзьями барахтаться в речке, а потом стиснуть у бабушки горячих пирожков, нарвать с бабчи огурчиков и яблок с соседского сада. Красота. А то, что рассказывала учительница, Сеньке было безынтересно, да и что она могла нового рассказать. То, что земля круглая, ему твердили с пяти лет, и он, не желая спорить с толпой, с этим согласился. Однако разум его мощно возмущался. Если она круглая, то как же по ней ходят люди и не сваливаются, ну ладно, дома – они в землю врыты. Единственным местом, возможным для людского обитания, по мнению Сени, была Арктика, потому что она наверху, да и то там холодно. Кстати, а почему там холодно, ведь она сверху, значит ближе всего к солнцу? И что только не придумают эти взрослые, лишь бы все усложнить и голову детям заморочить. Сенька устремил свой взгляд на глобус, стоящий на шкафу в углу класса. По глобусу ползла муха. Странно, а почему она не сваливается? Стало быть, как-то можно и по земле ходить, а с другой стороны, муха и по потолку может ходить – люди же не могут по потолкам бегать. Вот пластилиновый шарик, если его удачно швырнуть, здорово прилипает к потолку. Сколько же надо того пластилина намазать на подошву, чтобы и люди могли по потолкам да по стенам лазать.

Тем временем муха слетела с глобуса и села на стол перед Сеней. Сенька сжал ладошку куполом, осторожно приблизил её к мухе и быстрым отточенным движением поймал несчастное насекомое. Оборвав мухе крылья, Сенька пустил её бегать по столу. Карандашами и ручками он строил мухе препятствия. Отлученная от авиации муха пыталась обогнуть препятствия, а Сенька преграждал ей путь ладонью. Становилось интересно. Но тут учительница положила руку Сеньке на плечо и спросила:

– Так в каком состоянии находится вода при нормальных условиях?

Сенька медленно поднялся, на ходу пытаясь понять, что от него хочет учитель.

– В каком состоянии вода? – повторила вопрос Эльвира Кирилловна.

Вот вопрос так вопрос, хоть стой хоть падай – Сенька от напряжения даже пошатнулся. Все это время учительница рассказывала классу о трёх состояниях тел. Проходя по классу меж рядов, она то и дело поднимала учеников, задавая им попутные вопросы по теме. Ребята легко и радостно с места отвечали на легкие вопросы. Но вот дошла очередь до Сени, и в классе наступило замешательство.

– Сенька, вот котлета, которую дают в школе на обед – твёрдая, а су-у-уп? – растягивая слова для большей доходчивости, спросила Эльвира Кирилловна.

Вообще-то, глядя на Сеньку, невольно возникали гастрономические ассоциации: его пухлые щёки торчали из-за ушей и хорошо были видны сидящим на последней парте.

– Ну, какой суп в школе? Какой супчик? – всё ещё надеясь на ответ, спросила учительница.

– Жидковат-то супчик в столовке, жидковат, а котлеты твердые, – стиснув от возмущения зубы, буркнул Сенька. Он уже порядком устал от затянувшегося опроса и, упиравшись руками о стол, стал медленно раскачиваться то взад, то вперёд.

– Молодец Сенька, правильно! – обрадовано воскликнула Эльвира Кирилловна, глядя Сеньку по взерошенной голове. Решив, что уже достигла желаемого результата, она вновь спросила. – Так, а вода, она какая?

– Какая, какая. Мокрая! Вот какая! – выпалил Сенька и тяжело плюхнулся на стул.

И за что людям зарплату платят? Ясно. Чтоб младших своими глупостями донимали. Вот мне за все мучения в пору молоко выдавать, да ещё с булочкой.

Время близилось к обеду.

Лошадь

– Всё. Уроки готовы, – подумал про себя Сенька, закрыл учебник и посмотрел на часы. Было пять часов вечера, время забирать Борьку из детского сада, а после можно и погулять во дворе. Как говорит папа: «Сделал дело, гуляй смело». Воспитатели в саду Сеньку помнили и принимали его радушно.

По дороге домой Борька то забежал вперёд, подбирая приглянувшиеся ему камешки, веточки и прочий мусор, то отставал, заигрывая с дворовыми собаками или кошками. Сене приходилось то и дело прикрикивать на брата, отряхивать от грязи и отгонять беспризорных животных. Двадцатиминутный маршрут растянулся на час, а это время Сенькиной прогулки. Ну вот, наконец и дома, Сенька сел на корточки и стал разувать младшего брата, а Борька тем временем вертелся, дрыгал ногами и дергал за волосы брата.

– Борька стой спокойно, не дергайся! – сказал Сенька и тряхнул сорванца. Боре это не понравилось, и он крепко саданул кулаком в глаз брату, да так, что тот свалился на спину. Пока старший пребывал в замешательстве, малыш забежал в комнату и выхватил из вороха игрушек большой железный грузовик. Когда Сенька двинулся в сторону обидчика, тот обеими руками угрожающе занес над головой подготовленное оружие. Получить от обнаглевшего малыша полуметровой металлической бандурой совсем не хотелось. Обида и жажда мести раздирали Сеньку, но предьявленный аргумент его сдерживал. Открылась дверь и в прихожую вошла мама, держа в руке полную сумку продуктов.

– Ну что у вас тут, опять война? – задала мама свой почти традиционный вопрос.

– Да это все Борька! Он первый начал! – возмущенно прокричал Сенька, ожидая, что ему, как старшему, опять достанется.

– Боря, ты в саду тоже дерешься? – спросила мама

– Делёлся, – пролепетал карапуз.

– Всех бьёшь?

– Бьёс. – не отрываясь от игрушек, сказал Борька.

– Ух, лучше бы говорить научился, – косясь на брата, проворчал Сенька и пригрозил ему кулаком. Малыш ему ответил тем же.

– Он младший, а ты должен быть умнее, – поучала мама старшего сына.

Легко сказать, умнее. А как? Вот он сидит себе как ни в чём не бывало, складывает кубики и всё ему параллельно. Борьке и в самом деле мамини назидания были безразличны, он и так не боялся брата, а когда рядом была мама, то всё и все начинали крутиться вокруг малыша. Все, но только не папа. Папа Юра был военным и во всем ценил строгость и справедливость, но сейчас его дома нет, и Борька чувствует себе королем положения.

– Сенька. Сходи в магазин за хлебом. Я хлеб забыла купить, – сказала мама, выгружая только что принесенные продукты на стол.

– Ну вот, опять. То забыла, то не знала, а я всегда крайний, – возмутился Сенька, – я и так с Борькой столько времени провозился, а тут еще какие-то непонятные походы в магазин. А гулять когда я буду?

– Сенька, – предупредительной интонацией протянула мама и посмотрела на сына исподлобья. Такой взгляд ничего хорошего не обещал, поэтому Сенька быстро сменил тактику переговоров.

– Ну, сейчас, – ответил Сенька и нехотя стал надевать кроссовки. Потом подошел к зеркалу в прихожей, всмотрелся, потрогал припухшую бровь, покорчил сам себе рожи, как вдруг до него донёсся

Рагим Гаджиев

Родился в 1967 году в городе Баку, в семье работников киностудии «Азербайджанфильм» им. Дж. Джабарлы. После окончания школы в 1984 году поступил в Орджоникидзевское высшее военное зенитно-ракетное командное училище им. генерала армии И.А. Плиева, которое окончил в 1988 году. Военную службу на офицерских должностях начал на Урале, закончил в Магадане, где и проживает в настоящее время. Счастливо женат. Воспитываю любимого сына Эмилия. Многие события, описанные в рассказах, подхвачены из жизни, или рассказаны друзьями и знакомыми, за что им большое спасибо.

Телефон

Удобная вещь сотовый телефон: компактна и многофункциональна. Хочешь с другом поговорить – пожалуйста, а хочешь поиграть или клип посмотреть, тоже никаких проблем. У многих Сенькиных одноклассников уже были мобилки, и Сенька при каждом удобном случае давал понять родителям, что ему тоже крайне необходимо это чудо прогресса. И вот в ночь на Новый год из-под кресла раздался электронный, мелодичный звонок.

– Что это? – подумал Сенька и вопросительно посмотрел на родителей. Быстро отодвинув кресло, Сенька обнаружил маленькую картонную коробку, из которой, не переставая, доносилась та самая волшебная мелодия.

– Это мне? – с дрожью в голосе спросил Сенька, держа коробку трясущимися от счастья руками.

– Тебе, – улыбаясь, ответили родители.

О таком подарке Сенька и не мечтал – темно-синий, с большим дисплеем, с фото и даже видеокамерой, с музыкальным плеером и большим множеством других технических оснащений, мобильный телефон рассыпал свои музыкальные поздравления. У Сеньки сон как рукой сняло. Уединившись с новым электронным другом, он стал быстро изучать его способности, а освоив очередные возможности услуг сотовой связи, восторженно демонстрировал их родителям.

Что ни говори, но при всем изобилии положительных моментов, есть у мобильной связи один большой минус. Дело в том, что каждый обладатель сотового аппарата становится подконтрольным со стороны родителей, и исправить эту ситуацию довольно сложно, а так иногда охота сорваться ненадолго куда-нибудь подальше, и чтобы никто тебя не находил, не задавал сложных вопросов, не требовал срочно явиться пред ясные очи или что-то сделать по пути. Вот и теперь: Сенька не хочет никого видеть, а телефон то и дело, звонит без умолку – это Сеньку друзья пытаются вызвать погулять во дворе. На экране телефона высветилось: Лёха. И этот туда же – подумал Сенька.

– Ну, чего тебе – недовольно прокричал в трубку Сенька.

– Ты гулять выйдешь? – спросил Лёша.

– Ага, сейчас – язвительно выпалил Сенька – забыл, что «пару» по математике сегодня получил, и полстраницы в дневнике исписано красными чернилами, от родителей влетит.

– Ты, Сенька, не дрейфь, приходи на наше место – там вместе что-нибудь придумаем.

Местом сбора детворы была комната в подвале. Когда-то в этой комнате была дежурка лифтеров, но после того как построили соседний дом с новой аппаратурой, все лифтеры перешли туда, а старое помещение облюбовали мальчишки. От прежних обитателей подвала в наследство достался старый диван, стол и тумбочка. Взрослые прекрасно знали, где проводят время их дети, если их не видно во дворе, и не возражали против сложившегося факта. В общем, всех всё устраивало. Когда Сенька пришел в подвал, вся компания была уже в сбо-

аромат чесночной колбасы. Сенька выглянул из-за угла прихожей и увидел лежащие на столе польские колбаски. Недолго думая, Сенька забежал на кухню, схватил одну коляску и пулей выскочил из дома. Перепрыгивая через ступеньки, он жадно откусывал большие куски колбасы и усердно их пережёвывал.

Купив прозапас каравай побольше, чтобы хватило надолго, Сенька пошёл обратно. После пряной колбасы в горле першило, Сенька отломил от хлеба краюху и стал её есть.

– Как же вкусен горячий, душистый хлеб, ещё бы бутылочку сладкой газировки, – замечтался Сенька.

Возле самого дома мимо пробежал Лешка, лучший Сенькин друг, и на ходу прокричал:

– Сенька! Бежим в соседний двор – там лошадь!

Случись такое где-нибудь в деревне, Сенька не придал бы этому факту ровным счетом никакого значения. Подумаешь – событие, какой в деревне только нет живности, разве что словов да верблюдов. Но здесь. В городе. Лошадь. Это совсем другое дело! И Сенька, удерживая под мышкой каравай, стал догонять друга.

В соседнем дворе на детской площадке стояла старая лошадь и мерно щипала редкую зелень у самого бордюра. Недалеко в тени забора сидел старик, приехавший на лошадке, и ел свой нехитрый обед, состоящий из куса хлеба с зеленым луком и бутылки домашнего молока.

Сенька стоял прямо перед лошадкой, и заворочено глядел на неё, словно ничего подобного в жизни не видел.

– Вот это глазища, – с восхищением думал мальчик.

В огромных черных лошадиных глазах отражался весь мир: и дом, и небо, и детвора, сбежавшаяся отовсюду посмотреть на такое чудо. Детскому восторгу не было границ. Каждому хотелось прикоснуться к четвероногому гостю, а ещё лучше прокатиться на нем. Но лошадь, сделав два коротких шажка, сама приблизилась к Сене и потянула морду к хлебу. Понюхала, слегка коснулась губами к отломанного края.

Сенька, оторвав кусочек хлеба, протянул его лошадке. Большие мягкие влажные губы прихватили из рук мальчишки лакомство. Но что такое малюсенький хлебный мякиш такому большому существу? И Сенька протянул лошади весь каравай, шепотом приговаривая:

– Ешь. Ешь.

Лошадь ела медленно, иногда потряхивала гривой, отгоняя мух. Сенька чувствовал горячее лошадиное дыхание, вырывающееся из ноздрей.

– Ешь, – шептал Сенька, держа в одной руке остаток хлеба, а другой поглаживая жесткую шерстку на лошадиной шее.

Когда хлеб закончился, лошадь облизала детские ладошки и, словно целуя мальчика в губы, смахнула последние крохи вокруг Сенькиного рта. Сенька утер рот предплечьем, а ладошки о штаны и только сейчас понял, что хлеб, который все ждот дома... кончился, а времени прошло много, на улице уже зажглись фонари, и папа, наверное, уже пришел домой.

– Вот обжора, – подумал про лошадь Сенька, – бывают же такие. Ну, нельзя так много есть. Что дома теперь говорить. Да, ситуация.

ре. Лешка сидел на тумбочке, на диване поджав ноги, устроилась Лена – красивая девчонка с длинными волнистыми огненно-рыжими волосами, – все мальчишки были немножечко влюблены в Ленку, но открыто об этом никто не говорил. К этой же компании недавно присоединился Арманд – он недавно переехал из Латвии, где прожил с рождения, и по-русски говорил, сильно коверкая слова. Все друзья учились в одном классе и прекрасно знали о Сенькиной проблеме.

– Ты что, человеческого языка не понимаешь? Ну ладно, если бы Арманда спросили, но ты-то других языков, кроме русского, не знаешь, а получилось, что иностранными языками не владеешь, а родным ещё хуже, – возмущался Леша, обращаясь к Сене.

– Тоже мне, человеческого язык нашел. Найди частное, найди произведение – нельзя просто сказать: подели, умножь, – оправдывался Сеня.

– Ты для чего в школу ходишь – учиться или булки в буфете лопать?

– Да при чем тут булочки? Ещё другом называется, помочь обещался.

В разговор вмешалась Лена: – Оставь его в покое, ему и без того не сладко. Надо что-то придумать, а не нравоучения выговаривать, для этого родители есть.

– Когда твои родители проверяют дневник? – спросил Арманд.

– По субботам, – тяжело вздохнув, сказал Сеня. Его переживания хорошо были понятны друзьям, ведь для того друзья и нужны, чтобы быть всегда рядом: и когда радостно, и когда печально.

– Ну, до субботы, что-то придумаем, а пока говорить не стоит, – заметил Леша.

– Надо химию, – высказался Арманд.

– Какую еще химию?! – возмутился Леша.

– Которая двойку почистит, я слышал про такую. Надо купить, – с трудом подбирая слова, ответил Арманд.

– Точно, надо на рынке поискать, там все есть, – обрадовалась Ленка.

– Легко говорить: купить, а деньги где взять? – весь в расстройстве, вставил Сеня. – Наверно, денег немалых стоит.

– У Генки попросить, у него всегда есть! Он мне никогда не отказывает. Как раз на рынке его и найдем, – радуясь своей сметливости, ответила Ленка.

Генка, одноклассник наших ребят, рос в малообеспеченной семье, и поэтому, чтобы удовлетворять свои мальчишеские потребности, ему приходилось частенько подрабатывать. А на рынке такой возможности было достаточно: кому ведро воды принести, кому покараулить или коробку с товаром переставить, или помочь прибраться в ларьке. Работы на рынке всегда хватало, поэтому в деньгах у Генки недостатка тоже не было. Уж таковы издержки неустойчивого отечественного капитализма.

– Я позвоню Генке, – сказал Сеня и стал набирать номер телефона, но абонент был не доступен. – Найти бы сейчас денег, тогда и заниматься не пришлось бы. Ладно, пошли на рынок, разберемся на месте.

Из подъезда Сеня выходил первым. У порога на асфальте лежала согнутая пополам пятисотрублевая купюра. Сеня поднял банкноту и посмотрел по сторонам – вдалеке из соседнего дома вышла бабушка, и больше не одной живой души вокруг. Подошли друзья.

– Откуда деньги? – разом спросили все.

– Нашел здесь, – растеряно ответил Сеня. – Не ваши?

– Да если бы у нас были, мы бы сразу сказали.

– Может, они фальшивые? – подозрительно осматривая купюру, предположил Леша.

– Ага, кто же это у нас фальшивками разбрасывается? – усмехнулась Ленка.

– Нашел, значит твой, считай пол проблемы решено, – разумно отметил Арманд.

Рынок

Городской рынок! Какая цивилизация обходилась без этого изобретения человечества? Русские называли его ярмаркой, арабы базаром, но везде и всегда это место было центром общего собрания, где можно было не только закупиться, но и узнать последние новости, стать нищим или разом разбогатеть, в крайнем случае – просто отдохнуть или развлечься.

Сегодня базар постепенно приобретает свой прежний облик, вернее на

востоке он его и не утрачивал, но в России ярмарка превратилась в место распространения сельхозпродукции, а весь прежний колорит проявлялся только в дни старообрядных праздников. Теперь на рынке можно встретить кого угодно: кроме братьев из СНГ торгуют китайцы, турки, арабы, поляки. Публика стала разномастная, а товары разноцветные.

Три мальчика и девочка двигались по направлению к рынку. Двое мальчишек шли немного впереди, а третьего, пухлого с очень грустными глазами мальчугана, вела за руку девочка. У входных ворот рынка друзей встретил Генка.

– Ты чего мне звонил? – приветствуя за руку, спросил он Сеню.

– Ты не знаешь про такую жидкость, которой можно вывести чернила с бумаги? – вмешалась в разговор Лена.

– Такого добра сейчас полно. Надо посмотреть в турецких рядах. Турки традиционно занимаются изготовлением мыла, разных чистящих средств и прочей бытовой химии – и всё из натуральных продуктов. Пошли к Исмаилу, – сказал Гена с видом знающего человека и повел ребят вглубь рынка.

Старый Исмаил происходил из древнего купеческого рода. Не изменяя традициям востока, он по праву старейшины каждое утро самым первым открывал свою лавку, проверял товар и, попивая горячий душистый турецкий кофе, ожидал соотечественников.

– Салам аллейкум, дядя Исмаил! – почтительно поздоровался со старцем Генка.

– А, здравствуй, здравствуй дорогой! – приветствовал мальчика турок, целуя его в обе щеки словно родного. – Как твои дела? Как здоровье родных и что привело тебя ко мне в этот благодатный день, милосердно отпущенный нам всевышним Аллахом? Да пребудет его милость с нами всегда! – сказал старик и провел ладонью по лицу.

Короткая стрижка, прикрытая белой круглой шапочкой на темени, аккуратная седая борода, пронизательный взгляд слегка прищуренных глаз, едва сдерживаемая улыбка, богатая фразеологическими оборотами и импровизациями и в тоже время размеренная речь, спокойствие, уверенно сочетающееся с энергичностью – все в этом человеке говорило о высоком уме и жизненной опытности. Казалось, что в нем соединилась вся человеческая мудрость, усердно копившаяся веками.

– Вижу, вижу, не для себя ты заглянул в мою лавку, наверное, друзьям надо чем-то помочь. Я прав? – оглядывая детей, продолжал беседу дядя Исмаил.

– Вы как всегда правы, – учтиво отвечал Гена.

– О! Да с вами девочка. Как зовут тебя, прекрасное дитя, чьи волосы горят ярче любого огня, а красота ослепляет как солнце? – широко заулыбавшись и угощая сладостями, спрашивал старик девочку.

– Лена.

– Лена. Лейла значит по-нашему. И имя у тебя так же прекрасно, как ты сама. Счастлив твой отец, имея такую дочь!

Лене очень понравилось то, что говорил о ней турок, а особенно новая интерпретация её имени. Из уст старика «Лейла» звучала как восточная мелодия, и Лене захотелось ответить взаимной любовью.

– Вы на удивление красиво владеете русским.

– Ничего удивительного. Каждый уважающий себя купец обязан свободно владеть языком того народа, к которому приехал в гости. Ибо это и есть самая наивысшая форма уважения к другому народу. Вот скажите мне, почему именно человек, из всех живых существ на земле, смог достичь таких высот развития? Только благодаря тому, что умеет полноценно излагать свои мысли и обмениваться информацией. Всякая наука, будь то даже математика, только тогда может развиваться, когда может грамотно и доступно дать объяснение каждому открытию. Любите и изучайте родной язык, обогащайте его и храните его, и знайте: народ существует, пока жив язык. Можно быть изгнанным из родной земли, но пока люди общаются на родном языке, они живут как единый народ и имеют право вновь обрести свою родину и независимость.

Дети слушали старика, стараясь не

упустить ни единого слова. Даже Сеня забыл о своей беде. В глубине души его, конечно, что-то тревожило, но что именно, он уже вспомнить не мог.

– Ну, так что же привело вас ко мне, какая беда?

– Дядя Исмаил, а есть ли у Вас средство для выведения пятен? – спросила Лена.

– У меня есть много разных средств, смотрю какое пятно и с чего его надо вывести.

– Двойку из дневника, – неожиданно для самого себя выпалил Сеня.

– Бахо! – негодуяще воскликнул старик. – Значит, ты решил, смыв двойку, поумнеть? Это все равно, если попытаться, надев чистую рубашку, очистить соевую. Упорство в труде – вот единственный верный путь развития. И ошибки не совершать человек не может, но исправлять их и исправляться самому, это в человеческих силах. Такой путь нам указан свыше, и всякий, кто исповедует веру в добро, должен следовать этим путем.

– Да, – грустно протянул Сеня – а то, что от родителей может влететь, с этим как бороться?

– Бороться надо со своей ленью, а не с родителями – они же не враги вам.

– И что же мне сейчас надо делать?

– Как что: выучить урок и исправить двойку. Неужели ты думаешь, не учась, стать успешным в жизни. А ведь тебе предстоит содержать не только себя, но и своих жену и детей, и еще помогать родителям. А как ты будешь работать, если не научишься этому сейчас в школе. Ведь учеба это не только процесс познания, а сложный непрерывный труд и главный залог успеха.

Все это или примерно это Сеня уже много раз слышал от родителей, но почему дядя Исмаил считает учебу непрерывным трудом. Неужели даже этот мудрый старик до сих пор учится? А может он потому и мудрый такой, что учится всю жизнь?

Способный ученик

Ах ты, бармалей! Ты чего натворил?! Сенька в состоянии, граничащем с яростью, накинулся на Борьку и тряс его. Тряс его так, что у малыша не было никаких шансов вырваться из крепких объятий любящего братца. Сеня давно привык ко всем забавным выходкам и опасным проделкам своего младшего брата. Все члены семьи относились к ним и с тревогой, и с пониманием, и с заблаговременным прощением. Это ведь ничего, что ребенок стремится к познаниям и в этом своем стремлении, после неудачной попытки вбить гвоздь в стену, забивает его в электрическую розетку; адаптируясь на кухне самостоятельно, собирает мясорубку и, не обнаружив ничего более подходящего для помола, проворачивает в ней золотые украшения мамы; а после его первой попытки убрать пылесосом квартиру, всей семье пришлось долго чихать и смеяться, извлекая из пыльного мешка добро, а папа в своем противогазе хоть и не чихал, зато выглядел смешнее всех. Это все ничего. В конце концов – это все материальное, а значит, хоть и проходящее, но не вечное. Но сегодня! Сегодня Боря замаяхнулся на нечто возвышенное, на творческий порыв души. В Сенькиной тетради с сочинением про осень разноцветными карандашами были расписаны непонятные символы, именуемые в народе каляками-маляками.

– Что это? – не прекращая теребить, спрашивал Сеня у братика.

– Букифки, – ревя и запинаясь, отвечал малыш.

– Букифки! Ах, букифки! Какие же это буквы? Ты хоть одну букву знаешь? Писатель!

– Знаю. Вот. – И Боря выпятил вперед надетую на нем оранжевую рубашку, на которой и в самом деле в беспорядочном порядке были изображены буквы русского алфавита. Слава отечественной легкой промышленности – хоть на детской рубашке мы можем обнаружить не иностранный, а родной алфавит.

Сеня посмотрел на символы в тетради и обнаружил их несомненное сходство с изображенными буквами на рубашке малыша.

Что поделаешь, придется сочинение переписывать, впрочем, оно и так

не понравилось Сене. Потому что было оно сухим повествованием, констатирующим климатические факты и сезонные события, и не было в нем ни жизни, ни яркости осенней грусти.

– Сень. – Проканючил Боря, – я, този учится хоцу, давай ти меня проверис.

Что тут скажешь? И учеба началась. Методика в этом случае была применена традиционная, сначала буква потом слово на эту букву.

– «М» – мама, «П» – папа, «С» – Сеня, «Б» – Боря.

После недолгого разбирательства Боря начал демонстрацию своих познаний.

Указывая на букву «я», Борька подошел к маме и сказал. – Мама мотри, это «Боря».

– Нет, Боря, это я.

Боря обратился к папе и, указывая на ту же букву, сказал: «Папа это мама». – Нет, Боря, это я.

Негодующий Боря пошел к брату и, указывая на странную букву, спросил:

– Сенья, это папа?

– Нет, Боря, это я.

– Ти-и-и? – совсем запутавшись, удивленно протянул малыш.

Урок

...Вот упал последний лист липы. То шурша по асфальту, то тихо перекатываясь, листочек добежал до большой лужи и подхваченный холодным осенним ветром, под аплодисменты водных брызг, словно легкий кораблик, стремительно помчался вдаль, унося на своих парусах наше доброе лето.

Сеня закончил читать свое сочинение, положил тетрадь на стол, а сам, стоя, ожидал оценки учителя.

Почти абсолютная тишина класса, нарушаемая лишь затаенным дыханием учеников, простояла ещё минуту.

– Это не он сочинил! Это взрослый такое мог придумать!

– Он писал, из какой-то книжки!

– Не мог он так придумать!

Сенька стоял у своего стола и на каждый возмущенный выкрик одноклассников в свой адрес, отвечал:

– Я сам, сам написал! Всё сам, до единого слова!

Эльвира Кирилловна молча оглядела класс, посмотрела на учеников – и которые возмущались и которые молчали – потом посмотрела на Сеньку и спросила:

– Правда, сам написал?

– Да! – коротко и уверенно ответил Сеня, стирая все сомнения.

– Молодец. Пять. Неси дневник, – сказала Эльвира Кирилловна.

Обычно ученики доставали свои дневники в конце урока, и то только в том случае, если оценка, заработанная на уроке, их устраивала. Чтобы выставить неудовлетворительную оценку учителю приходилось требовать дневник с особенной настойчивостью. Но чтобы учитель потребовал дневник незамедлительно, для отличной оценки, такого ещё не было.

Учительница красной ручкой вела в дневнике пятерку, поставила подпись, потом вновь поднесла ручку к отметке, словно хотела её исправить, но придержала перо, медленно сместила ручку вправо и начертила плюсики.

– Так будет точнее, – тихо сказала Эльвира Кирилловна и спросила: – А к математике, готов?

Сеня не готовился к математике, ему думалось, что математику он и так знает, а неудача на предыдущем уроке всего лишь случайное недоразумение.

– Будет самостоятельная работа. Дневник оставь у меня, – сказала Эльвира Кирилловна.

Вот это поворот – подумал Сеня. Дневник на учительском столе, да еще и раскрытый, словно безнадежный и забытый всеми заложник, обреченно приподнял страницу.

Самостоятельная работа оказалась несложной. Сеня первым сдал тетрадь на проверку и еще не успев дойти до своего места в классе заметил, как учительница, поставив оценку, закрыла его дневник.

Но какую оценку, этот вопрос мучил Сеню нестерпимо.

Не в силах удержать любопытство, Сеня, не дожидаясь конца урока, украдкой подобрался к учительскому столу, быстро стянул дневник и тихими шагами, вернулся на место.

– Ну, где эта страница? – нервно перелистывая дневник, думал Сеня. Найдя искомое, Сеня долго непонимающе разглядывал исписанную красными чернилами страницу.

Еще одна пятерка, только меньше размером, красовалась в его дневнике, Сени. А вдоль абзаца сиял текст следующего содержания: «У Сени, без сомнения, литературный талант! Уважаемые родители, прошу обратить внимание».

Что это значило, Сеня не понимал. Но ведь пятерку просто так не поставят. Стало быть, что-то хорошее.

Домой Сеня шел один. Это произошло случайно. Обычно друзья шли домой вместе, но в этот раз Сеня, сильно озадаченный записью учителя в дневнике, обо всем забыл. Он не стал дожидаться друзей возле школы, а в раздумьях побрел домой. Сам не понимая как, Сеня оказался возле рынка. На рынке происходило что-то необычное. Торговцы, грузчики, тележки с тюками и коробками, много грузовых автомобилей. Люди бегали, громко и быстро говорили и загружали товар в грузовики. Сеня вспомнил про дядю Исмаила, и дядя Исмаил появился.

– Ты ко мне? – спросил старик

– Да – ответил Сеня.

– Извини, я сейчас сильно занят, пождешь немного?

– Да – снова ответил Сеня.

– Сулейман! – крикнул Исмаил одному из молодых людей, – отведи мальчика в беседку, угости чаем, я скоро подойду.

Молодой человек подошел к Сене, здороваясь, познакомился и пригласил пройти за собой.

Принеся поднос с чаем и сладостями, Сулейман сначала наполнил Сенькин стакан, потом свой. Угощая, молодой человек справился о Сенькином здоровье и делах.

– Все хорошо, – ответил Сеня, аккуратно отхлебнув глоток обжигающего чая.

– Дай Бог, чтобы всегда так было, – сказал Сулейман.

– А что здесь происходит? Почему все увозят товары? – спросил Сеня.

– Рынок будут сносить. Признали аварийным, поэтому такая срочность.

– А куда вас денут? – спросил Сеня.

– Никуда нас девать не будут, – ответил Сулейман, – мы сами себе хозяева. Мир велик, найдется и нам место.

– Так значить, вы можете уехать далеко-далеко? – переживая, спросил Сеня,

– А ты не бойшься? – снова спросил он Сулеймана. Ему казалось, что снос рынка, безусловно, должен сильно изменить жизнь многих людей. Ну, ведь, в самом деле, рынок находился в шаговой доступности целого микрорайона, мама постоянно ходила на этот рынок за товаром. А теперь как быть? А судьба дяди Исмаила после сноса рынка Сеньке казалась еще мрачнее. Ему очень не хотелось, терять нового друга, пусть даже он старше его родителей. – А новый рынок, здесь скоро построят? – эта мысль внезапно, но обнадеживающе, пришла на ум Сене.

– Рынка здесь больше не будет, будут строить детский парк, – ответил Сулейман.

– Кому он нужен, этот парк? – огорченно буркнул Сеня.

– Не стоит так расстраиваться. В конце концов, где будут играть дети, важнее рынка. Будут качели, карусели, фонтаны, – успокаивающе сказал Сулейман,

– Вот где вы обычно играетесь, когда выходите во двор погулять?

– Во дворе, или сидим в подвале, – ответил Сеня.

– Вот видишь, в подвале, – делая ударение на слово «подвал» – сказал Сулейман.

Сеня понял, о чем хотел сказать Сулейман. Ему вдруг стало спокойнее. Ведь действительно, что плохого, если рядом с домом будет место, где можно будет не искать и не придумывать себе развлечения, а развлечения будут сами качаться, крутиться, брызгать водой. А дядя Исмаил, уже много раз переезжал с места на место...

Сеня не успел додумать до конца, как увидел входящего в беседку дядю Исмаила. Старик дал указания Сулейману, и тот удалился, а дядя Исмаил сел на лавочку напротив Сеньки. Сполоснув стакан кипятком из чайника, дядя Исмаил налил себе чаю.

– Как дела, всё ли в порядке? Могут ли чем помочь? – спросил старик мальчика.

– Всё хорошо. Наверное, – ответил Сеня.

– Как-то не очень уверенно отвечаешь, может, всё-таки, что-то тревожит, может, новые проблемы в школе? – поинтересовался дядя Исмаил.

Сеня достал из портфеля дневник и протянул его старику. Дядя Исмаил пролистал дневник, с интересом прочитывая строчки, в которых были указаны темы занятий. Долистав до страницы, в которой были последние записи, старик заулыбался.

– Вижу, наш разговор пошел на пользу. Ай, молодец. А чем же ты так восхитил учителя? – спросил дядя Исмаил.

– Сочинением – ответил Сеня.

– И что же, можно это сочинение почитать? – спросил старик Сенью.

Сеня достал тетрадь и дал ее дяде Исмаилу. Старик прочел сочинение.

– Ты, правда, сам такое написал? – спросил дядя Исмаил и, заметив, что у мальчика от досады заблестели в глазах слезы, стал его успокаивать:

– Ну прости, прости, я совсем не хотел тебя обидеть. Просто твоё сочинение такое красивое, что не всякому взрослому человеку под силу так написать.

Сеньку эти слова успокоили, но он очень хотел узнать у дяди Исмаила, что означала запись учителя? Вроде слова все понятны, но как родители должны обратить внимание?

– Учитель тебя хвалит. Я думаю, что родителям будет радостно за своего сына. Только тебе не стоит сильно полагаться на свое превосходство, ведь тебе, наверное, немало пришлось потрудиться, чтобы написать такое сочинение.

– Это второе сочинение, первое испортил младший брат Боря, но то сочинение было плохим, скучным, самым обычным сочинением.

– А тебе захотелось написать, что-то необычное?

– Не знаю, но только очень захотелось увидеть то, что еще не видел.

– Ты, наверное, хотел сказать видел, но не замечал, не обращал на это внимания.

– Да. И захотел, чтобы другие это увидели.

– Вот видишь, твой талант – это труд твоей души, то есть твой труд. Поэтому, если ты и дальше хочешь быть успешным, тебе придется много работать, вкладывая немалые духовные силы. Соблюдай это правило во всем, и успех будет твоим спутником жизни.

– А почему на меня обозлились друзья? – Друзья? За что?

– Ну они не поверили, что это я написал, и стали громко об этом говорить.

– Ты уверен, что это твои друзья, с которыми ты, по-настоящему, дружишь?

– Ну не друзья, просто одноклассники. ки. Только я никогда с ними раньше не ругался, а тут на тебе, ополчились.

– Мой хороший, не стоит так переживать. живать. Ты пойми, что эти твои одноклассники самые первые поклонники твоего таланта. Они первыми признали твоё превосходство и выразили это своей завистью. Такая зависть – плохое. Такая зависть – плохое качество. Отнесись к этому спокойно, продолжай трудиться, а окружающие со временем смиряться. А дружи только с честными людьми. Из плохого человека не может получиться хороший друг.

В беседку вошел маленький мальчик. Не дожидаясь приглашения, он забрался на лавочку, подсел к дяде Исмаилу, и сказал:

– Дядя, дай угощение.

Дядя Исмаил протянул малышу несколько конфет и спросил его:

– Ты кто?

– Я Тёма. А ты мой папа? – запиная в рот сразу все конфеты, спросил мальчик.

Сеня впервые увидел, как мудрый старик растерялся. Не зная, что ответить, дядя Исмаил, удрученно уставился на малыша. Сеня поспешил на помощь своему другу.

– Он из детского дома, который в нашем дворе. Они часто ищут себе родителей, – сказал Сеня, имея в виду детей из детского дома.

Старик тяжело выдохнул, что-то еле слышно, сбивчиво пробормотал охрипшим голосом, а после этого долго тер ладонями онемевшее лицо, пытаясь унять образовавшуюся на нем косую бессмысленную улыбку.

И мудрец не мудрец, коль лихой молодец.

Михаил Асташев

Асташев Михаил Борисович родился и вырос в Западной Сибири. В 1983 году после окончания Новосибирского государственного метеорологического техникума приехал в Магадан. Долгое время работал на метеостанциях Колымы и Чукотки. Живет и работает в Магадане.

* * *

Взглянув на карту,

ты увидишь Север Дальний.

Он Север дальний для кого-то и всего,

А для меня он часть души

хоть не кристальной,

Но все же часть,

и я горжусь им всем назло.

Пусть говорят, что он уехал за деньгами,

Что потянулся к тому длинному рублю.

А я люблю тебя назло,

мой Север Дальний,

Твои ветра, твою метель, твою пургу.

И ты, любимая, не слушай кривотолков,

И плюнь в лицо,

кто плохо скажет про него,

Но не вини меня за то, что не остался:

Я не могу прожить ни часа без него.

Я увезу тебя сюда, если захочешь

И подарю тебе, каким нашел его.

А тот, кто не был, тот и не узнает

его манящее по-южному тепло.

Про тех, кто не с нами

Я ищу вас в толпе глазами

и так много хочу сказать.

Песни петь на крыльчке маме

и о детстве с сестрой вспоминать.

Вместе с названным братом Вовкой,

присидеть за столом до зари,

И налив в рюмки водки горькой,

за обиды сказать: – Прости.

В день рожденья дарить подарки,

говоря, что у вас есть я,

Кто вас помнит, скучает и любит –

мы же с вами одна семья.

Слезы катятся в воспоминаньях,

накативших на горло ком,

И молю: «Помилуй их Боже,

даже тех, с кем не был знаком.

С кем по жизни прошел краями,

кем был предан, кого любил,

Я за всех молю, на коленях,

пред Тобою, твой раб Михаил».

Про счастье

Я не смирялся в жизни с беспределом,

хоть был мой оседал на дне стакана.

В бреду измен потоки бытия.

Я жил как все, в плену самообмана.

И как сказал наш старый Лев Толстой,

Что счастья нет,

есть лишь покой и воля.

Ошибки в прошлом примеряв к другим,

Твердил себе – такая моя доля.

Уж не бодрит ни секс, ни рок-н-ролл

И вены грязные, как на Руси дорога,

Теряя в жизни близких и родных,

Я подошел к черте конечного итога

Ну, где ты, счастье? Ты же где-то есть?

Стоишь и ждешь, скучая у калитки.

Подай лишь знак – и подарю тебе

Души моей обугленные слитки.

Приду с цветами, если позовешь,

С остатком пороха в своей пороховнице

И буду милым, добрым,

страстным для тебя,

Чтоб ты могла по-женски

мною гордиться.

Последний шаг к обрыву

я запомнил

Как пот кровавый застилал глаза,

И уши, запечатанные ложью,

Я раздирал, чтоб слышать голоса.

Стон, скрежет из геенны доносился,

Вой леденящий хохот за спиной

Вдруг через стон сыновний крик пробился:

–Вернись, отец, ты нужен мне живой!

Границ добра и зла не существует

И мер не устанавливает эго.

За мысли о петле во хмеле

Я не был отлучен от неба.

Мы все в крестах, дешевле иль дороже,

Мы ценим жизнь, распявши одного,

Мы ищем правду, обрастая ложью,

Бредя в толпе, где рядом никого.

В ожидании Рождества

Засыпал снег любимую часовню,

Все дремлет лес. уснувший до весны.

Молитва, к откровенью приглашая,

Манит в себя, в глубины чистоты.

Священник мил своею простотою,

Он улыбнулся мне из бороды.

Его глаза полны любви и мира.

Ни тени лжи и праздной суеты.

Все в ожиданье Божьего явления .

Придет Он темной ночью в тишине,

Чтобы могли к Нему для поклоненья

Топтать в снегу тропинку на заре.

Максим Семиколонов (Ларин)

Родился в 1996 году в городе Элиста, Республика Калмыкия. В 2003 году вместе с родителями приехал в Магаданскую область. В Магадане в 2014 году закончил с золотой медалью среднюю общеобразовательную школу с углубленным изучением математики – № 15 – и исполнил свою мечту – поступил в Новосибирский государственный технический университет на факультет автоматизации и вычислительной техники. В период учебы в школе и университете занимается любимым делом – литературным творчеством. С 14 лет публикует свои работы на литературном портале «Что хочет автор». В издании «Провинциальный интеллигент» в 2010 году публиковалась работа Максима «Однажды в библиотеке».

ДЕД

Старик тихо умирал в своей покосившейся избушке, слушая вьюгу за окном. Ветер, неистовый, яростный, полный дикой первобытной силы, завывал, словно репетируя зауспокойную по умирающему.. Солнечные лучи в последний раз мазнули алой краской по убранству неказистого жилища и скрылись за лохматыми тяжело-сизыми, словно дым, тучами. Старик отдавал себе отчет в том, что никогда больше ему не увидеть солнца, но никакой горечи он, к своему удивлению, не испытывал. Он слишком устал от жизни, слишком многое ему пришлось пережить.

Робкий, колеблющийся от любого дуновения ветра, свет керосинки, стоящей на прикроватной тумбочке, не столько разгонял мрак, сколько сгущал его. Старик вдруг подумалось, что его разум сейчас представляет такую же картину: – светлое пятнышко разума в круге темноты беспамятства. И достаточно любого сквозняка, чтобы задуть этот огонек. Навсегда.

Повернув голову, он взглянул на пожелтевшую от времени фотокарточку рядом с лампадой. Близоруко вглядевшись в лица изображенных на ней людей, он прислушался к своим ощущениям. Огонек его жизни разгорелся чуть сильнее, вызвав легкую улыбку на морщинистом лице.

С карточки на него глядели, счастливо улыбаясь, молодые друзья-геологи. Долгие десятилетия прошли с тех пор, как они прибыли сюда в поисках новых богатств, которые бы они могли подарить своей Родине. Никакие капризы Судьбы – ни суровая природа, ни опасность золотой лихорадки, ни страшные лагеря не смогли сломить этой их дружбы. Только вот самих друзей становилось всё меньше и меньше, пока, наконец, не остался один, которому Судьба преподнесла особый подарок. И особую миссию...

Осталось недолго, потерпите...

Старик спрятал фотокарточку за пазуху и оглядел своё жилище. Его взгляд скользнул по распахнутому шкафу, на полках которого стояли покрытые сетью трещин тарелки в мелкий и – ему всегда почему-то так казалось – невыносимо глупый цветочек. Старик перевел взгляд на грубый стол, покрытый клеёнкой с завернувшимися от перепадов температуры углами. На столе стоял помятый в нескольких местах чайник, да железная кружка с замерзшими остатками травяного – иного здесь давным-давно не водилось – чая.

Ничто больше не держало его здесь,

подумалось ему. Ничего кроме одной вещи. И хотя он твердо знал, что всё случится именно этой ночью, нетерпение наполняло каждую частичку его тела. Что, если нет? Что, если всё зря?.. Нет, этого не может быть. Всегда так было, и всегда так будет. Потому что здесь не может быть иначе. Иначе Север существовать просто не сможет, так уж он устроен с самого начала.

Старик прислушался к звукам снаружи. К завываниям ветра присоединился еще один звук. Почти неслышимый для обычного человека, он понемногу усиливался. К избушке кто-то приближался. Сердце старика радостно забилося из последних сил. Вот! Наконец это случится.

Дверь, невыносимо скрипя ржавыми петлями, давно просившими масла, неторопливо приоткрылась. На пороге смутно проглядывался силуэт человека, закутанного в теплый камуфляж. За спиной у него виднелась старая двустолка. Человек осторожно вошел и притворил дверь за спиной. Его испуганный и одновременно усталый взгляд скользил по хибарке и, наконец, остановился на ее хозяине.

Жестом едва-едва повиновавшейся руки дед подозвал гостя к себе. Тот настороженно подошел к старику и наклонился над ним. Умирающий приподнялся на локте и начал судорожно нащепывать на ухо вошедшему то, что он сам – измученный беглец – когда-то давно точно так же услышал от уходящего в мир духов шамана, приняв его пост.

Лицо охотника постепенно меняло свое выражение с испуганно-недоверчивого на умиротворенно-понимающее. Ему стало ясно, почему он набрел на эту избушку, когда никакой надежды выбраться из бурана уже не оставалось. Ему стали ясны многие вещи, которые он привык относить к воле случая, но никак не умысла.

Наконец, старик перестал шептать и бессильно упал на подушку, закрыв глаза. В тот же миг порыв ветра распахнул двери настежь и задул лампадку. А когда охотник вновь зажег ее, старик уже не дышал. И стоило только гостю коснуться его безжизненного тела, как оно рассыпалось миллиардами светящихся частиц, выпорхнувших из избушки сквозь зазоры в окнах, чтобы присоединиться к бурану.

Мысли гостя – точнее, уже хозяина – стали чисты, как никогда в жизни. Он неторопливо осматривал место, где предстояло ему нести свою долгую вахту, осознавая свою новую роль. Роль Смотрителя.

ТРОПОЮ ТАЙНЫНОТ АТАНА

Глава из книги ПЕРЕВАЛ. КАМНИ СИЛЫ

– Как ты говоришь со льдом?

– Отвечаю на его вопросы и спрашиваю.

– Он знает тебя?

– Уже знает и тебя.

– Но он же меняется каждый год.

– Не совсем так. Для него смена подобна реинкарнации, только он помнит предыдущее. Новый, но тот же.

– Почему он помнит?

– Структура его кристаллов остается в воде неизменной.

– Что можно спросить у льда?

– Все. Но он будет просто пищать или трещать, если ты не нравишься.

– Как ему понравиться?

– Льду нравятся люди, подобные ему.

– Как человек может быть подобен льду?

– Энергия человека и льда – вихрь, стихия. Попробуй почувствовать. Лед не жестокий, но очень жесткий, и очень насмешлив, не терпит сантиментов и фальши.

Владимир Серкин. «ШАМАНСКИЙ ЛЕС»

Когда-то, будучи еще совсем мальчишкой, я обнаружил в богатейшей родительской библиотеке тоненькую книжицу эвенской писательницы Марии Амамич. Книжка называлась «Не провозжайте с тоской улетающих птиц», и сразила она меня, честно скажу, прямо наповал, в сердце. Очень простым, даже незамысловатым, но и одновременно чрезвычайно образным и живым языком, самобытная писательница рассказывала о кочевом мире своих соплеменников глазами маленькой девочки.

Этот мир, описанный тонко и поэтично, был далек от розовой романтики. В нем были трудные переходы на 50-градусном морозе. Там были смерти близких людей. Там было общение с шаманами и духами гор. Сказки. Нравоучения. Там был без прикрас показан жестокий и жесткий мир Большого Северного Кочевья маленького северного рода туманских эвенов, к которому относилась девочка – главная героиня, присутствовавшая незримо на каждой странице.

И меня, северного пацана, просто восхитил коротенький рассказик про Каменных людей. Мол, стоят на вершинах сопки и перевалов причудливой формы камни, весьма сильно напоминающие навечно замеревшие человеческие фигуры. Да, собственно, это и есть люди. То есть, когда-то они были людьми, но нарушили правила обращения с местными духами и те превратили их в камни. С тех пор настоящие люди из плоти и крови, памятуя об этом страшном событии, оставляют возле каменных людей различные подарки для духов и повязывают разноцветные ленточки со своими пожеланиями.

Рассказ тот настолько прочно отложился в мальчишеской памяти, что с тех пор меня влекли к себе все вершины колымских сопки, украшенные каменными останцами. Впрочем, останцами (на Чукотке говорят – «гольцы») их кличут геологи и простой люд. Для меня же они с детских лет раз и навсегда остались и остаются «каменными людьми».

Первое знакомство и общение происходили легкими касаниями... Невзначай... Мы словно бы присматривались друг к другу, памятуя о древней истине, что быстрая дружба обычно перерастает в долгую вражду. Но мне куда было торопиться. А моим каменным друзьям – и подавно! В их неспешном ритме существования моя земная жизнь – словно искорка, вылетевшая из печной трубы на сильный ветер.

Со временем я научился различать и понимать разность их характеров, их своеобразный юмор, стал отдавать и принимать в дар энергию. Моя жизненная сила, которую искренне и безоглядно я им дарил, была для них, словно лакомство для ребенка, а они взамен напиткивали мое тело такими мощнейшими вихрями, от которых мгновенно появлялось ощущение крыльев за спиной. Временами, стоя на вершине Батарейки, казалось, что нужно только оттолкнуться ногами от камня и воспаришь белоплечим орланом над суетностью и брэнностью расположенного внизу мира...

Когда мне на глаза попала книжка магаданского профессора психологии Владимира Серкина «Шаманский Лес», то, открыв ее наугад, я сразу наткнулся на место, чрезвычайно меня заинтриговавшее. В книге у него шла речь о беседе Шамана с автором про лёд. Поразило то, что если вместо слова «лёд», поставить слово «камень», смысл останется практически тем же самым. А что тут удивительного? Ведь лёд – это застывшая вода. А камень – застывшее время...

Я решил вспомнить кое-какие практики, завещанные Тайнынот Атаном, и поговорить с камнями. Точнее – с одним Камнем. Самым крупным Чашечником в округе, поставленным нашими очень древними предками на этом месте Перевала несколько тысяч лет назад.

В этой чаше легко может уместиться ребенок лет семи. Вода в ней всегда свежая и отличается невероятным вкусом. Вдобавок, она убирает начисто симптомы многих «энергетических» заболеваний... Рядом с Чашечником – ровная, выложенная плоскими каменными плитами площадка, которая идеально подходит как для кострищ, так и для нахождения там нескольких десятков человек. С востока выложены каменные же ступени, по которым легко подниматься к самой чаше.

...Камни не терпят суеты и чрезмерной поспешности. Хочешь обратить на себя их внимание? Делай все не спеша. Подстраивайся под их ритм жизни. Под их образ мыслей... Как говорил Покровитель Полуострова и мой проводник в мире духов: «Хочешь познать зверя? Сам стань зверем. Хочешь поймать большую рыбу? Подумай, куда она захочет поплыть и поставь сеть в том месте...»

Следуя этому правилу, накануне Дня Осеннего Равноденствия неспешно (очень неспешно) принялся собираться на Перевал. Предварительно сходил в баню. Остриг волосы и ногти. Побрился. Медленно и основательно перебрал содержимое рюкзака, починил начавшую отваливаться дужку чайного котелка под названием «чифир-бак», навел жало на лезвии любимого ножа... Поставил на просушку свои горные ботинки. Стопкой сложил амуницию: тонкое хлопчатобумажное белье, «сетку» – связанные из толстой шерстяной дели штаны и тельник, которые надеваются на белье под верхнюю одежду; летом «сетка» выполняет роль вентиляционной прослойки, не давая телу взмокнуть от жары, а зимой создаёт терморегулирующий воздушный слой, спасающий от холода. Просмотрел куртку и штаны из армированной камуфляжной ткани на предмет незамеченных прорывов и дырок. Скотал бывалый полиуретановый коврик и легкий спальный мешок.

Я уже всеми мыслями и телом был на Перевале, но специально максимально оттягивал этот момент в реальном пространстве, поскольку Ритуал неспешно-сти нужно было выполнить до конца...

...Первый тест – Пограничный Камень. Это Хранитель Места. Именно он дает (или не дает) «добро» на проход. Давно было замечено, что многочисленные ныне любители «автомобильного отдыха на природе» ВСЕГДА ставят свои мангалы, столы не менее чем за 200 метров от Пограничного Камня. Рядом с Ним и выше Него никто из «отдыхающих» никогда не разбивал свой уродский лагерь. То же происходит и с празднующимися людьми...

С Чашечником еще проще – он отстоит от Пограничного примерно на километр. Туда туристы-шашлычники не доходят по определению... Им вроде как (материалистическое объяснение) лень...

Обнимаю Пограничника. Здоровуюсь и предлагаю взять у меня часть моей жизненной силы. Он очень аккуратно, взвешенно снимает небольшой энергетический слепок (словно ребенок с моей палочки мороженого слизнул. Какой тактичный!) и словно бы говорит: «Прход открыт!» И в очередной раз по телу пробегает такая волна, словно я прохожу сквозь упругую пленку, которая лопается от соприкосновения со мной.

Не спеша собираю сухие ветки стланика для костра. Древняя истина: все серьёзные беседы нужно вести у открытого огня. Но у меня задача несколько иная. Мне нужны четыре костра – по количеству Стихий. Пятый костерок я разожгу в каменной нише под Чашечником, где собираюсь провести ночь.

Я достаю из рюкзака специальное приспособление для розжига ритуального костра, которое давным-давно, 12 лет назад, мне подарил последний шаман Полуострова.

Теперь уже Полуостров вновь девственно чист, как 120 веков назад – шаманы перебрались к «верхним людям», оленеводческие бригады разбежались, олени были съедены, наиболее умные ушли на север и стали «дикарями». Тайныот Атан вновь мягко и ненавязчиво, без стрел и ружей, вернул своим землям их исконный смысл. Из людей поверенных, которым беспрепятственно и безопасно разрешено ступать на Полуостров в любое время, остался лишь я один...

Разжигая со всеми надлежащими правилами первый ритуальный костёр, посвященный Стихии Земли, я думал о причинах странного безумия, охватившего жителей когда-то густонаселенного (по северным меркам, разумеется) Полуострова в 90-х годах. Люди стрелялись, вешались, резали друг друга, спивались, сходили с ума. Первыми почувствовали беду дети, всеми правдами и неправдами вдруг решившие не возвращаться на свою исконную Родину.

...Костер Земли разгорается очень быстро. Западная часть Чашечника осветилась нежно-розовым цветом. Здоровуюсь с Костром. Ничего... Беру из костра горящую ветку, бережно несу к северной стороне Камня, где уже сложены горкой-пирамидкой дрова для Костра Стихии Огня. Сухие, годами просмоленные ветки возжигаются, как порох. Блики Огня ласкают шероховатую северную поверхность Чашечника. Приветствую и Его. Нет ответа...

Костер Стихии Воздуха на востоке от Камня разжигаться не хотел... Первая горящая ветка, которую я нес к костровищу, умерла по дороге. Вторая, положенная в просмоленные сухие ветки, тихо скончалась внутри дровяной пирамид-

ки... Третья на последнем издыхании вдруг пыхнула снопом искр, я уж было испугался, что и она сейчас умрет... Как вдруг резко, словно ветки были облиты бензином, пламя пыхнуло вверх!

На какое-то мгновение я с восторгом увидел, как над костром расправила крылья огненная птица! Дух Огня, здравия Тебе! Птица парила совсем недолго, всего два-три мига. А с востока, со стороны Батарейки, на меня ринулся очень плотный поток ветра! Он мгновенно разметал птицу на сноп искр. Это был какой-то невероятный восторг! Воздух ответил мне! Костёр Воздушной Стихии взревел, встретив Того, кому он был посвящен. Пламя ласкалось ко мне, совершенно не обжигая. Я чувствовал, как внутри меня выгорает что-то отвратительное и мерзкое, копившееся годами и десятилетиями. А на место этой гадости мощным потоком льется невероятно огромное Воздушное Пространство. И огонь, опаляющий меня изнутри, под влиянием этого Пространства пламенными спиралями смиренно укладывается виток за витком.

Это непередаваемое чувство преддверия полета... Я понимаю, почему до сих пор, несмотря на солидный возраст, летаю во сне. И полеты эти невероятно реалистичны, они словно передают мне все правила и технические инструкции по управлению своим телом в воздушной среде. Видимо, не просто так. Вероятно, пройдет еще несколько лет (или десятилетий – какая, в сущности, разница?) и я смогу летать и в этой реальности?

Хватаю пылающую ветку и бегу (нет – лечу!) на юг, где меня смиренно ожидает Костер в честь Водной Стихии. Опять две неудачные попытки! Да что же это такое? Это Стихии так шутят, что ли? Третья попытка. Четвёртая! И наконец, на юге тоже запылал костер. Но... Что это? Морось? Капли? Внезапно на меня опрокидывается сверху тысячилитровая цистерна воды. Ливень! В конце сентября! В горах! На Севере! Что-то невероятное! Я скачу, как сумасшедший, вокруг костра и смеюсь детским хохотом.

А небо, и ливень, и горы смеются мне в ответ... Меня приняли! Я и здесь теперь свой... Это радостное безумие длится совсем немного. Стихия понимает, что мочить меня до последней нитки не стоит. Мне ведь еще ночевать здесь. А ночи в конце сентября на горном перевале не слишком комфортны... Дождь резко прекращается.

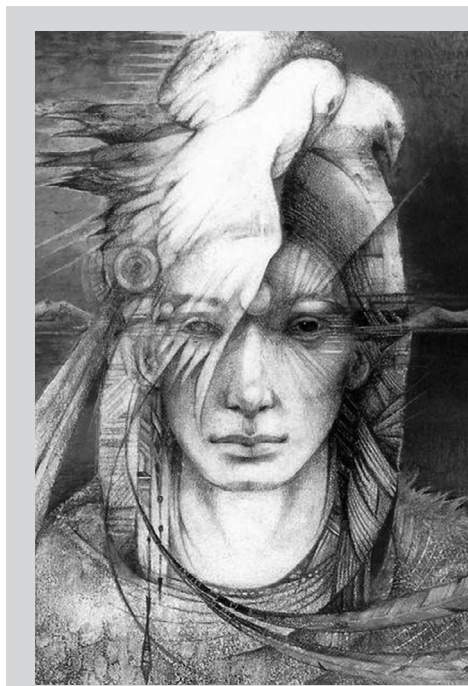
Развожу, наконец, пятый костерок под Чашечником. Расстилаю коврик и спальник. Здесь я проведу ночь. Если, конечно, мне дадут уснуть... И ко мне в уютный грот проскальзывает Некто. Очень Древний. Мудрый... Возможно, когда-то действительно был человеком... Во всяком случае, какие-то едва приметные атавизмы чего-то человеческого у Него проступают... Или это он так пытается подстроиться под мою волну? Влился в каменную стену напротив меня... Ждет... Смешливо-любопытный... Немного ироничный...

– Здравствуй...

В ответ – непередаваемое словами значение доброй, лучистой, обнимающей всю мою земную сущность... Энергии? Вихревого потока? Ощущение нежных, очень нежных гранитных тисков. Поприветствовал, одним словом.

– Я тоже очень рад Тебе... Мне кажется, что наступило время... Пришла пора...

Волна Бодрости, Волна Свежести, Порыв Одобрения... И еще Нечто, трудноуловимое моим привычным набором слов и образов... На что похожее? Наверное, на те чувства, которые испытываешь, глядя вот на эту картинку, где фотоаппа-

Тымнетагин

Ещё одно имя на литературном небосклоне Колымы и Магадана. Человек, много лет проведший в тундре, среди кочевников Колымы и Охотоморья, начал понемногу записывать свои воспоминания, перемежая их сказками, легендами и преданиями сурового северного края. Так родилась книга, которая сейчас готовится к печати. Это повествование не только о кочевой жизни северных народов, но и некий духовно-мистический опыт, который автор почерпнул из тесного общения с чавчу-венами, эвенами, юкагирами, чукчами и якутами. На страницах книги разворачивается потрясающая, а местами фантастическая картина мира глазами северных шаманов и подчинённых им духов и природных стихий, там есть путешествия, маленькие открытия, уникальные встречи с уникальными людьми. Впрочем, судите сами...

рат поймал световые столбы-потоки в День Весеннего Равноденствия на Перевале...

– Что мне делать? Покажи...

Образ открытых ладоней с растопыренными пальцами...

– Ты хочешь, чтобы я положил на Тебя ладони?

Опять нежные гранитные тиски...

– Вот он я... Читай меня... Понимай... Я полностью открыт для Тебя...

Вихрь эмоциональных энергий, энергетических эмоций! Меня распирает изнутри... Кажется, я сейчас лопну и меня разорвет на царапающие душу куски кварцита. Кварцита... Кварц! Магический кристалл! Так вот оно что! Мне напрямую транслируют Понимание, почему именно из кварцита сработаны мегалитические постройки на Перевале. Мне становится ясно, почему во всех каменных чашах на дне обязательно насыпан кварцевый песок, и почему там такая вкусная вода, которая никогда не портится. Я вдруг понимаю, почему именно в кварцевой плите высверлено отверстие для приёма первого солнечного луча в День Летнего Солнцестояния. И почему «Погодный Камень», легко изменяющий погоду на перевале, тоже выточен из кварцита. И даже почему Тропа, ведущая к «Обсерватории», тоже густо посыпана кварцевым песком...

Это – Послание, Библиотека, Скрижали. Камни терпеливо ждут уже более 120 веков, когда придет тот, кому предназначена эта информация. Неужели это... я?

О, Стихии! Кварц! Самый распространенный в мире минерал, представленный множеством форм, расцветок и разновидностей. Им восхищались греки, называя его *krustallos*, что значит... «лед»! Древние считали кварц льдом, который никогда не тает, потому что создан богами. А само смысловое значение слова «кварц», его этимологию до сих пор не могут понять и объяснить нынешние маститые филологи... И это ясно, потому что ничего общего с филологией розенталей это слово не имеет. Оно пришло в наш язык из других миров... Самое ближайшее объяснение – мол, слово было заимствовано в Петровскую эпоху из немецкого языка, куда слово *Quarz*, в свою очередь, попало из некоего западнославянского диалекта, на котором звучало *kward* и переводилось как «твердый». Какая-то странноватая конструкция, не находите?

Я начинаю лихорадочно припоминать (или мне все это транслируют напрямую в мозг? Я ведь весьма смутно ориентируюсь в минералогии) разновидности кварца. Так... Агат, празем, горный хрусталь, аметист, цитрин, раухтопаз,

– все это минералы кварца. Бесцветный кварц и прозрачный кварц – это горный хрусталь. Желтый, медовый, золотистый кварц – это, кажется, цитрин. Фиолетовый кварц – это... аметист! Аметист тоже во все времена считался священным, божественным камнем, которым украшали иконы, идолов и оружие, его вкрапляли в короны королей, стараясь обезопасить тех, на кого они надевались, от оккультного воздействия. Кстати, аметист еще и защищает человека от воздействия эгрегора пьянства...

Но идем дальше: серый, дымчатый кварц – раухтопаз. Черный кварц – морион. Зеленый кварц – празем. Молочно-белый кварц, бурый кварц – авантюрин... Духи! Это когда-нибудь закончится? Красный кварц – гематит. Голубой кварц – льдинистый кварц, синий – сапфировый кварц, волосатик – рутиловый кварц... Все это разновидности и виды кварца...

Какая богатейшая библиотека! Всепланетный Информаторий! Какие знания!

А наши человеческие глупые «курицы» таскают их на подвесках, кулонах, серьгах и кольцах... А забывшие историю своего Рода попы украшают ими кiotы, кресты и обложки «священных книг»... А кичащаяся своими знаниями наука и «супертехногенная» цивилизация наша использует их в своих приборах, электронных гаджетах и прочей примитивной техномагии, не понимая того, что в своих потугах засвидетельствовать свое первенство, все равно больше похожа на обезьяну, которая ноутбуком колет орехи...

Я очнулся, лежа в гроте под Чашечником в позе эмбриона у погасшего костра. Чьи-то очень маленькие, но ловкие пальчики выбирали у меня из волос тундровый мусор. Поднял руку, провел по голове. Услышал возмущенный вереск. О! Братец бурундук! Ты-то что тут делаешь? А, пришел познакомиться и поглядеть, чем тут можно угоститься?

Очень, очень, очень медленно (бурундуки не любят резких движений) перетёк из лежачего положения в сидячее. Бурундук сидел на каменной стенке в двадцати сантиметрах от меня и с любопытством поблескивал бусинками глаз. Так же очень медленно я залез рукой в стоящий рядом рюкзак и вытащил оттуда раскрошенный сухарь. Кусочки сухаря положил на стенку. Бурундук очень деловито обнюхал лакомство и мгновенно набил черствыми кусочками оба защечных мешочка. Чирикнул благодарно и молнией метнулся к своей норке под камнем. Давай, дружок! Агтаукун! Удачной тебе зимовки...

БЛАГОВЕЩЕНСК

Наконец, благая весть Отца Владимира, что мы подъезжаем к Благовещенску, порадовала всех. Оператор Александра снимала без остановки. Также, не давая себе шанса на перерыв, комментировала все события Маша Карпинская. Саша Бухаров выдавал редкие, но меткие замечания. Я все это записывала. А командир группы Володя Спивак отдал приказ: «Вольно». Мы сверили часы и обозначили место встречи у набережной. Кстати, с нее открывался вид на реку Амур – водную границу между Россией и Китаем. Что представляет собою Благовещенск сегодня? С одной стороны – культурный центр региона. Есть и оперный театр, и музеи, и библиотеки, и симпатичные памятники: все, как положено. С другой стороны – цены в супермаркетах и продуктовых магазинах раза в два выше московских. Поразила стоимость рыбы и красной икры. Кроме того, во всем городе улавливается налет некоего разрушения. Серости. Я бы не смела говорить об отсталости. Но чувство тревоги за Державу сопровождает повсеместно. Удивило и то, что соседство с Китаем не предполагает наличие китайских товаров на прилавках. Не везти же в Москву вакуумные упаковки рыбы, мяса и колбасы, приготовленные в Останкино?! Мы «с налету и перепугу» с трудом нашли какое-то «фирменное» корейское печенье, японскую сухую лапшу и вьетнамский соевый соус. Собственно, единственные трофеи, приобретенные там... Теперь о самом грустном. По ту сторону Амура ясно видна развеселенная китайская сторона. Выглядит она впечатляюще и с некоторой угрозой. В чем же эта угроза? Не в этой ли самоуверенной внешней благополучности и развеселости? Ну конечно, она не в гигантском колесе обозрения парка культуры и отдыха цвета радуги. Не в шикарных небоскребах, выстроенных из стекла и бетона и покрашенных в модные краски современных дизайнеров. Угроза эта в разнице меж нашим запустением и их развитием. Меж нашим безлюдьем громадной территории и их массовостью, сосредоточенной у границы. Меж нашим поголовным, извините, откровенным пьянством и «пофигизмом», и их муравьиной ожесточенной работоспособностью! На обратном пути получилось, буквально как в той песне. Полнеба заслонила очередная осенняя грозовая туча. Обрушился аномальный ливень, добавивший «радости» местным жителям, замурованным водою в домах. Докладываем с места бедствия: «На границе тучи ходят хмуро. Край суровый тишиной объят. У высоких берегов Амура часовые Родины стоят...»

ОБЕРЕГ ДЖУНЫ

И тут я спохватилась. Я же обещала Джуне бросить в Байкал рублик! А мы пролетели над этим гигантским морем-озером и оказались так далеко... Джунa – моя любимая волшебница. Наши встречи редки и знаковы. Я вспомнила, как она перед поездкой пошептала что-то над монеткой и вложила ее мне в ладони, загадочно сверкая черными звездами очей. Забегая вперед вопреки нормальному течению повествования, открою секрет. Когда через месяц я предстала пред нею с виноватым взглядом, она спросила: – Ну что? Привезла обратно? – Откуда ты знаешь? – удивилась я. – У вас было слишком мало шансов вернуться. А мне без тебя скушно, – хитро улыбнулась Джунa, – оставь себе. Пусть... будет!

ЧУКОТКА

КИТАЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Считается, северные народности произошли от жителей Китая, те в свою очередь от народа группы мяо-яо, которые обитают на больших пространствах Южного и Юго-Западного Китая и Северного Индокитая. А те, соответственно, ведут свое происхождение от собаки! Послушаем же, что говорит народ яо. Древнекитайский император Гаосин вел длительную ожесточенную войну, которая обескровила страну. Не надеясь уже на победу, он объявил, что победителю вождя врагов он отдаст дочь-принцессу. Вскоре с головой врага пришла жившая во дворе пятицветная собака Паньху. Императору пришлось отдать за нее дочь. Пес увел жену на юг в горы, где у этой пары появились потомки — яо. В честь предка Паньху стали проводить празднества, а женщины носить головной убор, похожий у одних мяо и яо на уши собаки, а у других — на головной убор принцессы. У мужчин сзади свешивается повязка в виде хвоста. В домах яо устанавливается алтарь, посвященный Паньху. У них собака Паньху выполняет также функции главного духа-хранителя и защитника, помогает путешественникам в странствиях.

ВПЕРЕД НА КРАЙ СВЕТА

После двух суток бессонницы несколько часов на сухих простынях показались раем. По первому звонку будильника в пять утра местного времени все живоенько поднялись. Взбодрились кофием. До аэропорта доехали во мраке. Фары освещали седую полынь, густо орошенную росой, похожею больше на изморозь. Кстати, по дороге встретили несколько дружелюбных многоцветных собак. Подумали, что это тоже хорошая примета. Пока шла обычная суeta погрузки, розовый дальневосточный рассвет обернулся голубым и теплым восходом. Быстро запустили турбины. И в час по нашему времени (а по ихнему в 7 утра), военный борт по обыкновению резко взлетел, так что попадали ящики с болгарским перцем, покатались неукрепленные наши глупые гражданские чемоданчики на колесиках, а мы вцепились коготками в твердые углы откидных сидушек. Под нами – изумруд тайги Амурской области. До Анадыря 3-4 часа лету. Как повезет с ветром! Нас всех охватило небывалое воодушевление.

Виною тому была невиданная красота, над которой воспарил наш борт, похожая на розово-голубую кашу облаков. Варит ее небесный повар в волшебном горшочке. Столько наварил от щедроты душевной, что закрыли облака полземли и полнеба. Да мало ему, затейнику. Решил на десерт побаловать гоголем-моголем. Хотите посмотреть, как над кашею сей волшебной изжелта-желтое небо взбивает ветрами желток солнца? Так в чем дело? Слетайте на Чукотку! Понравится! Самолетик наш военный совсем опустел. Мы – единственные пассажиры. Володя Спивак, готовясь ко встрече с Владыкой Анадырским Серафимом читает житие Сергия Радонежского. Девчонки радостно фотографируются в опустевшем пространстве. Борт, прошитый вдоль и поперек мощными прожекторами солнечных трассеров, становится уютным и домашним. Подлетая к намеченной точке, волнуемся. Небо стало совсем белым. Солнце ослепительно белым. Возле реки Вилюй я заметила КРУГЛУЮ РАДУГУ на облаках. Редкое явление порадовало. Хорошая примета.

НАЧАЛО ЧУКОТКИ И РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Прилипнув к иллюминаторам, увидели океан, море Лаптевых, Берингов пролив и Анадырский лиман. Показались сопки, опустившие бархатные края лап в синюю безбрежность вод. Они выросли карликовыми рыжими лесами, похожими на шерстку пятицветных собак Пань-ху. А капитан, первым опустившийся по трапу, озвучил открытие: – Кто назвал это место Краем Света? Это Начало Света! И действительно! Как не приходило раньше на ум?! Именно здесь жители первыми встречают солнце! Страна Чукотка – и есть страна Восходящего солнца. А не Япония какая-нибудь! Чукотка дальше! Ошарашенные открытием, выкатились из летающей посудины, разминая бока и мозги, привыкая к шуму прибора, свинцовому суровому ветру, мелкорастущему под ногами лесу, оказавшемуся ниже травы на золотых солончаках гор. Это не кустарник! Это лес! Нас радостно встречали тусклое солнце и свинцовый ветер. Там, за проливом – Аляска, наша земля! И здесь – наша Земля. Съёмочная группа брала интервью у летчиков и у всех подряд. А мне хотелось

взять его у помидоров, настроение и внешний вид которым явно подпортили горячие двигатели, а теперь прихватил чукотский ветерок. «Полярные авиалинии» совершают из данного аэропорта рейсы в Америку и Канаду, естественно, «на материк». Вот уж поистине «а в этот край таежный только самолетом можно долететь!» Что же является причиной названия «материк»? Вечная мерзлота. Бездорожье. Трудно было представить, пока не убедились воочию, что под нами в полутора метрах – если копнуть – линзы вечной мерзлоты! Но об этом чуть позже.

БРОШЕННЫЙ ГОРОД ГУДЫМ

«А вот он я, вот он я. А вот он, выходка моя. А вот он, выходка моя. А смотрите на меня!» – Северная сибирская частушка. До Перестройки в районе велась добыча руд и полезных ископаемых. Но наступили времена перемен. Богатства земли, никеля, например, стали ненужными, раз Китай готов за бесценок поставлять их без затрат на дорогу. Люди обрели статус свободы, но не знали, что с нею делать. Город тружеников Гудым прекратил существование. Люди буквально меняли квартиру на билет в теплые города, и, как это теперь говорят «ушли», бросая угольные копи, золото, газ, песок, камень. Бросили недостроенные метроспецстроевцами проходы в горах. Не думается, а почти уверена, если в любом мегаполисе лютой зимой прекратить подачу электричества, воды и отопления, потребители наши, или как их теперь называют «электорат», разбегутся в поисках любой теплой избушки. Землянки ведь через асфальт не вырыть! Тем более здесь! Население на Чукотке со 150 тысяч сократилось втрое. Зарплаты в пределах московских, цены выше втрое. Брошенные дома похожи на серые мрачные остовы, глядящие с укором черными провалами окон в сторону инициаторов развала Великой Державы. Вот вам и «выходка», вот вам и «результат», за который дают Нобелевские премии. И даже медведи, коих численность также выросла на Чукотке втрое: до 75 тысяч особей бурых и 45 тысяч белых, в это гиблое место не имеют надобности заглядывать.

ПРЕДВКУШЕНИЕ
ВСТРЕЧИ С РЫТХЕУ

«Мы... нечаянно ворвемся прямо в снежную зарю. Ты увидишь, что напрасно называют Север Крайним. Ты увидишь, он Бескрайний! Я тебе его дарю!» – О чем ты думаешь? – время от времени спрашивали меня благословенные мои попугайчики. Я улыбалась, молча отворачивая лицо. О чем я могла думать, глядя «на эту кучу камней»? Конечно, о Рытхеу! О Тихоне Сёмушкине. И о своей первой любви. И чувства переполняли меня. И слезы наворачивались на глаза. Ведь с годами все реже и реже нам даётся право взглянуть на мир своими же, только детскими, глазами. И точно белый-белый забытый сон проступало сквозь память ни разу за сорок лет не упомянутое время первых счастливых открытий от захватывающего чтения... Ноябрь 1970 год. Мне уже семь. Мне только-только исполнилось семь. Я самая мелкая в первом классе «В» 23-й Балашихинской школы. К тому же я самая младшая, потому что всем уже исполнилось заветное число «совершеннолетия», а мне – 10 октября, и в школу взяли «условно», по убедительной просьбе отца, главного редактора газеты «Знамя коммунизма»... Мои одноклассники только-только складывают в слова буквы и старательно вы-

водят на доске «мама мыла раму». А я уже сама прочла первую книжку: «Конек горбунок» Ершова. Но, не смотря на это, моя первая учительница Гетта Михайловна изводит меня за излишнюю бойкость, грозит, что отдаст обратно в детский сад. Меня дразнит, подражая ей, весь класс: «Детсад! Детсад!». Мне тем не менее очень нравится моя учительница. Когда она ведет урок, ее пухлые ручонки очень удобно устраиваются на круглом пузце под толстой грудью. Гетта одета в белую блузку и черный шерстяной сарафан. А когда я у доски, мне некуда деть руки. И я, подражая первой учительнице, мечтаю скорее стать взрослой и отпустить такое же брюшко, чтобы было на что их складывать. Гетта тем временем успешно блокирует любую творческую активность, воспитывая класс послушных маленьких солдатиков. Каждый день я возвращаюсь домой в слезах. И однажды отец не выдерживает и идет выяснять отношения с учительницей. Но я об этом ничего не знаю. В нашем классе есть один мальчик Андрюша Архипов. Отличник. Самый умный. Очень симпатичный. Куда мне до Андрюши! В его аккуратных дневниках – одни пятерки! Его отец работает на Чукотке, он и как-то приходил в школу и после занятий рассказывал о снеге, Северном сиянии и белых медведях.

То ли от первой влюбленности, то ли от любопытства, то ли взволнованная мечтами о дальних неизведанных землях, душа моя тянется к знаниям. В кабинете отца – полки с книгами от пола до потолка. Одна из них «Алитет уходит в горы» – взрослый роман о Севере. Вскрабавшись на табуретку, выбираю его. Быстро и кое-как сделал уроки, прячусь от взрослых, которые «гоняют» меня, чтобы не занималась «ерундой», а лучше прибралась в комнате или помыла посуду, и читаю... читаю... читаю. Живое до полненные воображением, предо мною бескрайние снежные поля Чукотки. Стойбище Лорен. Американцы-скупщики. Становление советской власти. Богач Алитет. Но, главное – горячая любовь вымышленных героев, впервые пронизавшая мое детское сердечко. Рождение ребенка прямо в снег и омовение его этим снегом. Роженица, которая не должна кричать, чтобы не спугнуть злых духов... Открытие за открытием... – Папа! Мне так понравился этот роман! – восклицаю я, возвращая ему книжку, переполненная эмоциями. Папа курит трубку. Он, в отличие от меня – настоящий писатель. С образованием ВГИКа. У него уже вышло несколько фильмов. Он дружен с Шукшиным, знает Распутина, Солоухина, Паустовского. Уже в детстве я знаю твердо: писатели не любят друг друга, не любят особенно тех, кто стал лауреатом каких-нибудь престижных премий, Сталинских, например. К ним относятся и Тихон Сёмушкин, автор романа «Алитет...» и его переводчик на чукотский Рыхеу... – Это классика, как не надо писать! – ухмыляется отец. – Бездарность! Почитай лучше Пескова «Шаги по росе»! Я не понимаю его. Он не разделяет моих восторгов. Беру Пескова. Читаю. Интересно. Много фотографий. Информации. Но не «цепляет». Закрываясь от взрослых, делаю роман «Алитет уходит в горы» первым своим литературным открытием. И консервирую в сердце навсегда, запечатав на те замки-секреты детства, которые не выдрать клещами. Как можно ответить: «о чем я думаю, глядя на эту кучу камней?» Конечно о Рыхеу! И о Сёмушкине, об учающем детей-чукчей и участвующем в экстремальных экспедициях, о том, что когда-то весной на чукотский берег прибыл отряд советских людей, чтобы помочь чукчам построить новую жизнь

на свободной земле. А еще я почему-то вспоминаю о том, как нас толпою выводят в рекреацию, и строят звездочками. В классе 43 человека. Я – в самой последней звездочке без пары. Мы должны хором маршировать, и петь «Мы – веселые ребята, мы ребята-октябры. Так назвали нас не зря, в честь победы Октября». В слове «октябрь» мне слышится что-то приятное, ведь для меня – это моя личная маленькая победа, день рождения, свершившийся наконец! Чтобы Андрюша Архипов обратил на меня внимание, я дергаю его за форму. Гетта Михайловна, кажется, только этого и ждет. – Ну что, детский сад? Опять нарушаешь правила дисциплины? Опять побежишь к папочке жаловаться? А ну-ка, выходи сюда перед всем классом. Раз твой папочка говорит, что у тебя там какие-то таланты, ты покажешься нам сейчас во всей своей красе! Ну-ка, пой! Будешь запевалой. А вы все молчите. Ребята затихли. Я, неловко и неудобно шаркая по линолеуму заносенными тапками старшей сестры, которые мне были чуть велики, и понимая, что безобразно пузыряются на коленках синие школьные колготки, выхожу

перед всеми самая мелкая со смешными заколками на белой челке, покраснев до ушей. Я впервые выставлена на позор перед всем классом в таком вот глупом виде. – Пой! – издевательски улыбаясь, восклицает учительница, дернув меня за плечо, – Твой же папочка говорит, что ты еще и поешь, вот и пой! И маршируй перед всеми, вот так! – Гетта Михайловна показывает, как я должна двигаться, проделав три шага налево и три шага направо. – Звездочка из кумача, мы внучата Ильича, – мой голосочек, точно угасающая свечечка на ветру, тихонько выводит знакомую мелодию, – знаменосец выше знамя поднимай, запевала громче песню запевай!!! – но я не выдерживаю энергетической агрессии ненавидящей меня взрослой толстой тетки, голос срывается на мерзкие рыдания бессилия и горя. Я убегаю обратно в строй одноклассников, прячусь за девочку. Весь класс дружно хохочет. Это «га-га-га» усиливается громом пустынного огромного коридора с высокими окнами и школьным эхом. Громче всех раздается смех Гетты Михайловны и... Андрюши Архипова. Он имеет на это право. Он отличник. – Еще раз твой папаша придет в школу жаловаться и говорить, что ты там на что-то способна, кроме мелкого хулиганства, я с позором выгоню тебя из школы, и пойдешь ты обратно в свой детский сад! – Орет, одержавшая победу, перекрикивая детский беззлобный смех, довольная Гетта. – Детский сад! Детский сад! – подхватывает класс... Возвращаясь домой, поднимаю глазенки к небу, чтобы слезы закатывались обратно в голову, и чтобы родители не видели заплаканного лица. Громко на всю улицу пытаюсь смеяться, сначала срываясь на рыдания, потом все увереннее и увереннее. Вспоминаю песенку, так часто в те времена транслируемую по радио телевидению «Увезу тебя я в тундру, увезу к седым снегам, шкуру белого медведя брошу я к твоим ногам...» И лишь когда это получается искренне, я смеюсь над собой по-детски простоудушно - действительно детский сад! Глупые смешные заколки! Смешные колготки. И смешные слова! Какие мы дети Ильича!? Мы же дети наших пап и мам! Да и как я могла допустить, чтобы мои мелкие пакости увидел взрослый? Взрослым нельзя доверять! Я даю себе обещание, что обязательно снова скачусь с перил, но только тогда, когда не увидит Гетта. Обязательно снова дерну Архипова, но исподтишка. Обязательно буду хулиганить, но так,

чтобы это не видела она, ставшая врагом теткой в аккуратном черном сарафане. Я выучу уроки. И принесу домой пятерки и четверки. Назло ей, гадкой Гетте Михайловне. И она никогда, НИКОГДА не отправит меня в детский сад! А когда вырасту, я уйду от всех на Чукотку! К Алитету! В горы! – Как прошел день? Учительница больше не обижала? – Нет-нет! Наоборот! Я солировала сегодня перед всем классом, потому что я лучше всех пою! – почти не обманула я. – И все весело и дружно смеялись. И я вместе со всеми! – Вот и хорошо! – сказал отец. Он больше не ходил в школу до самого выпускного вечера, когда получил благодарность за воспитание дочери и особый диплом за мои успехи в области литературы. Правда, уже от другой учительницы. А на Чукотке я оказалась только сейчас. Так сбылась детская мечта. Вдруг щелкнул замок. Отворился сундучок. Вспомнилось ее полное имя Генриетта... Только зачем оно мне сейчас? Я на сорок с лишним лет забыла о неудачном пении перед первым классом «В». Забыла о неопценных уроках первой учительницы, зависть к ее круглому брюшку, оно мне как бы сейчас ни к чему, потому что поменились ценности. Все это ушло. А что же осталось? Мы взрослые. Или еще дети? Как я благодарна тебе, папа, что ты подарил мне целый год! И отдал меня в школу раньше. С годами время ценится на порядок больше! Здравствуй, Чукотка. Здравствуй, куча камней. Здравствуй Рыхеу! Как выяснилось потом, его жизнь тоже складывалась непросто. Родившись в семье охотника-зверобоя в поселке Уэлен, мальчик получил имя Рыххэу, что в переводе с чукотского означает «неизвестный». В дальнейшем, поскольку, чтобы получить паспорт, необходимо было указать имя и отчество, будущий писатель взял русские имя и отчество, имя же «Рыххэу» стало ему фамилией. Рыххэу закончил семилетнюю школу в Уэлене и хотел продолжить обучение в Институте народов Севера, но по возрасту не попал в число тех, кто был откомандирован в этот вуз. Дед у него был шаманом. А отец, понятно, не главный редактор газеты, поэтому некому было его устроить. Поэтому он решил самостоятельно поехать в Ленинград на обучение. Этот путь растянулся на несколько лет. Для того чтобы заработать средства на проезд и жизнь, будущий писатель нанимался на разные работы: был матросом, работал в геологической экспедиции, участвовал в зверобойном промысле, был грузчиком на гидробазе. Переехав в Анадырь, Рыххэу поступил в Анадырское училище. В 1947 году он начал печататься в анадырской окружной газете «Советская Чукотка», где публиковал свои первые очерки и стихи. В Анадыре Рыххэу встретился с ленинградским ученым Петром Скориком, который возглавлял лингвистическую экспедицию. Тот помог молодому писателю добраться до Ленинграда. Рыххэу учился на литературном факультете ЛГУ имени А. А. Жданова с 1949 по 1954 год. Писателю было чуть больше 20 лет, когда его рассказы появились в альманахе «Молодой Ленинград», а чуть позже в журналах «Огонёк», «Молодой мир», «Дальний Восток», молодёжной газете «Смена» и других периодических изданиях. В период своего студенчества Юрий Рыххэу активно занимался переводческой деятельностью, переводил на чукотский язык сказки Александра Пушкина, рассказы Льва Толстого, творения Максима Горького и Тихона Сёмушкина. Писатель много путешествовал, ему удавалось часто бывать за границей во многих странах мира с творческими поездками, культурными и дружескими

визитами. После распада СССР в новых постсоветских странах Юрия Рыххэу перестали печатать. Благодаря Абрамовичу выходили небольшие тиражи нескольких его книг, но распространялись исключительно на Чукотке. Умер он в 2008 году. А в Анадыре, первым что мы отметили – был памятник Рыххэу в обществе славных собак лаек. Пятицветные они или нет, уже не различить, потому что памятник выполнен в бронзе.

АНАДЫРЬ

На Чукотке стоит небольшой микрорайон. Всего-то на 11 тысяч душ. Дома в Анадыре раскрашены в яркие цвета, как в Словакии или Швеции. Розовый, оранжевый, салатный, голубой, фиолетовый – всё не серый! Особой радостью было воочию лицезреть знаменитый Дом пионеров, ныне Дом Детского творчества. Когда-то и вы, и мы, да и все школьники СССР собирали металлолом. На эти средства и возведен этот замечательный дом. Пред ним оставлен памятник Ленину. Дом ныне реставрирован, и пребывает в прекрасном состоянии. Да. Важная деталь. Все дома на Чукотке – на сваях. Высота их до двух метров. Иногда основание уходит на 20 метров вглубь. Причина проста. На такой почве, где возможны подтаивания, оползни и другие неожиданности, надежность – прежде всего. Поэтому на Чукотке нет подвалов. В лучшем случае «надвалы». Зимой случаются сильные бури. Метели. Они как входят под сваи, так и выходят из-под них. Порою люди не могут просто перейти улицу из-за силы таких ветров. Только ползком. Зато зимой бывает северное сияние, когда небо играет органами потрескивающими спиралями зеленого, голубого, оранжевого. Яркие краски Чукотки проявляются и по весне. Природа перед долгой ночью старается быстро вспыхнуть, взреть, дать семена и отцвести. Сейчас же солнце еще заходит на ночь. Мы посетили краеведческий музей. В нем собрано множество чучел местных животных. Показан быт малых народов Севера. Выставлена уникальная резьба по кости и художественные полотна. Особое слово хотелось бы сказать об Абрамовиче, бывшем губернаторе. Здесь его уважают. Не смотря на то, что он посредством фирм тотально присваивает результаты добычи золота и других драгметаллов, оставляя государству 3 процента налогов, он заботится хоть как-то о содержании города Анадыря, за что и снискал любовь местных граждан. В центре города есть улица Отке, того самого, который бежал с «Начальником Чукотки», есть шикарная пятизвездочная гостиница «Анадырь» и кинотеатр «Полярный». Есть тематические магазины и супермаркеты с колоритными названиями типа «Зимушка». А также установлено несколько монументов, в том числе, памятник писателю Рыххэу, в окружении ездовых лаек.

ЛЕГЕНДЫ АМЕРИКИ

Куль собаки существовал в Перу задолго до культа солнца. Индейцы Аляски вели свое происхождение от местных собак лаек. Эскимосы в древности также считали собаку своим тотемом. Не были исключением индейцы Северной и Южной Америки. Красивую легенду рассказывает калифорнийское племя Като. Бог Нагайхо сотворил мир из ничего, создал все вещи, явления природы и живых существ. Но собаку ему не пришлось создавать, потому что она была всегда.

Продолжение следует.

Светлана САВИЦКАЯ

Владимир Попов

Родился 1950 году 19 июля в поселке Известковый Хабаровского края Амурского района.

В 1966 поступил в судостроительное училище, после его окончания в 1969 году пошел служить в армию, в десантные войска, где совершил 28 прыжков с парашютом. По окончанию службы в 1971 году приехал на Колыму, начал работать водителем. В 1982 году устроился в заповедник «Магаданский». Проработал там 20 лет. Сейчас нахожусь на пенсии, занимаюсь домашними делами.

* * *

Заповедная страна,
Блажь, лесная тишина.
Снега целый ураган,
В небе звездный ураган...
Укачу я в те края,
Где прошла вся жизнь моя.
Найду старую избу,
Что стоит на берегу.
Двери, окна починю,
Печь пожарче натоплю.
И ночью тишиной
Стол свечюю восковой
Освещаю я себе.
Две тетрадки на столе.
Опишу я в них весну,
Шум ветров, зимы тоску,
Заповедную красу.
Как встречаю я друзей —
Белокрылых лебедей,
Что летят с материка,
Где давно родился я.
Север многому учил,
Он любовь к себе привил.
Лес мне стал, как дом родной,
Речка — милою сестрой,
И заря — желанной мне.
Встану в полной темноте —
Каждый штрих ее ловлю.
Сколько зорь я не встречал —
Я бы всех их приласкал.
Миг рассвета дорог мне:
Я привык к лесной стране,
С первых дней знаком с тобой,
Заповедник мой родной.

* * *

Со свечки огонек сорвало
И закружило по листве...
Та осень пламенем пылала,
Теперь печально на душе.
В осенних грезах,
Днях туманных,
Прозрачных звуках ручейка
Тебя искал, но безнадежно.
Быть может, ты найдешь меня?
В ушедших днях былого лета
И в белых кружевах зимы
На ветках снежных, леденящих
Расселись краской снегири.
Комочки красные родные —
Как райские растут плоды.
Сорвать ты яблоко желаешь,
Ты — фея женской красоты.
Сказать тебе —
Я нем устами,
Я руки к яблокам тяну.
Заря пришла —
Вспорхнула в небо,
И улетели снегири.

* * *

Соленое море, соленые слезы...
Накатом морским отрезвили меня.
Я шел по проторенной кем-то дороге,
И чайки, крича, обгоняли меня.
Туманный мой взгляд по прибою метался,
Ища ее след, не замытый волной.
Но слишком уж долго я в путь собирался —

И стал для нее я, наверно, чужой.
Волна сизой пеной все ближе металась,
Охотский прилив силу полную взял.
Морская скала резко вниз обрывалась.
На этом уступе я ночь простоял.
С рассветом ушли все мои сновиденья,
Песок, что внизу, был весь чист. Без следов.
На море смотрю — нету больше виденья,
Оно словно с тихим отливом ушло...

* * *

Эх, годы мои годы.
Смешались вы с тайгой.
Как чая с хвоей выпил —
Ох, горький тот настой.

Спецы мне правду-матку:
— Бросай писать стихи
И не марай тетрадку —
Не лепятся они.

Да я и не леплю их —
Они с души идут,
Их, может, кто полюбит,
Их, может, где-то ждут.

Пускай порой нескладны,
Как жизнь моя идет.
Но вдруг они — отрада,
Что за сердце берет.

По жизни — с ними вместе,
Они, как с хвоей чай.
Душевные, как песни.
Немножечко горчат.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Аришину Элику(Осетину)

Пурга гудела, снег кидала,
Рукой хватаясь за хребет.
И путь “Бурана” засыпала,
Охотник гнал его вперед.
Нет горизонта, ориентира,
Чутьем звериным сам проник.
Откол оленей заносило.
И каждый знал, что значит миг.
У каждого своя работа:
Кто у компьютера с утра,
Кто в кабинете шелестящем,
Где дипломатов, папок тьма.
А он же был и жил как выстрел:
Высоко, громко, далеко.
Он был всегда и всюду первым,
И было не всегда легко...
Дни в месяцы и годы слились,
Десятилетия прошли,
Но службу егеря не бросил —
Все было на его пути.
Грехов немало, но не больше
Тех добрых дел, что сделал он.
— Безгрешных нет, — скажу я честно.
Стопил я с ним немало дров,
У рек палатки разбивали,
По наледям парящим шли,
На вертолетах вылетали

И пили водку до зари.
Мечтали, строили, ломали,
Ходили в рейды по снегам.
“Бураном” сопки штурмовали,
Волков стреляли там и сям.
Да разве вспомнишь, сколько было...
В лесу он память оставлял.
В распадках соболей пушистых
В мороз зимой с собакой брал.
Медведь — разбойник пал за шкodu:
Палатка — в хлам, разбил окно,
Но Осетин любил природу
И был он с нею заодно.

* * *

В прошлом лес,
Как ночное виденье,
По туману уходит все вспять.
А наутро проснулся с испугом —
Дрожь души мне во сне не унять.
Леса, тундра, озера, болота,
Крик кедровки,
Осока в росе...
Эх, взнудать первый луч
На восходе
И умчаться на этом коне!
На коряге ондатра кормилась,
Глаз смежилась, круги на воде.
Лес в тумане,
Ты мне не приснился —
Годы жизни отдал я тебе.

* * *

Опять к тебе вернулся,
Моя таежная страна.
Березкам сонным улыбнулся,
Обнял листвянку у ручья...
Ольха с мороженой сережкой,
Кисейный иней на кустах.
Дорогой снежной непорочной
Я путик бью не торопясь.*
След от «Бурана»**, чуть петляя,
Бежит за склоны синих гор.
Где солнце луч свой
В снег вогнало
И красит краской небосклон.
Не чужды мне зимы морозы,
Колымская лесная грусть.
Я — сын твой,
Ты — мне мать природа,
И я опять к тебе вернусь.

* Бить путик - двигаться по глубокому снегу на снегоходе.
** «Буран» - название снегохода.

* * *

Вьется снежная пыль, завихряясь,
Хлопья снега летят в свете фар.
Память — пульс колесом снег сметает,
Годы — версты уносятся вдаль.
Трасса — лента спиной изогнулась.
С поворота проходим прижим,
Время-времечко с горки качнулось,
И помчалась морозная пыль.
Пыль забила все щели кабины,
На виски опустилась она,
Годы жизни мы здесь отрулили:
Снег, мороз в голове седина.
Но не надо грустить о прожитом —
Километры на трассу легли.
Вечна память, ничто не забыто —
Перевалы, обрывы, кресты.
Да и тем, кто в изгнании жизни
Трассу Севера в скалах рубил,
Бункера — как надгробные плиты:
Вечна память всем тем, кто здесь жил.

* * *

С рябиновой зарею я поутру вставал,
В воде с хрустальным отблеском рябину привечал.
Смешались раскрасавицы с небесной красотой,
Рябинушка и зорюшка плывут передо мной.
На миг, водой умытые, сошлись две зари,
Одна с небес сорвалась, другая от земли.
И плещутся — балуются у зеркала воды,
Прекрасен миг видения рябиновой зари.